

Н. Д. УСПЕНСКИЙ,
заслуженный профессор
Ленинградской Духовной Академии,
доктор церковной истории

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЛИТУРГИЯ (Историко-литургическое исследование)*

Глава 4

ЦЕЛОВАНИЕ СВЯТЫХ (ПОЦЕЛУИ МИРА)

Великий вход — это древний акт приношения хлебов и вина на престол для их освящения, как евхаристических Даров. Исторически он был связан с тремя компонентами: 1) тайным чтением предстоятелем молитвы «Никто же достоин!...», 2) омовением рук священнослужителей и 3) поцелуем мира, или, что то же, целованием святых. Компоненты не одновременного происхождения и за длительное время их существования подвергались модификации. Поэтому, чтобы представить историю их возникновения и модификации, мы должны рассматривать их в том порядке, в каком они возникли.

ПОЦЕЛУИ МИРА

Поцелуй мира — самый ранний из перечисленных компонентов. Он ведет свое начало от иудейского поцелуя, которым обычно евреи приветствовали гостей во время братской трапезы.

Евангелист Лука описывает эпизод, имевший место в доме фарисея Симона, пригласившего Господа на ужин. Пришедшая в дом женщина грешница, стоя позади Иисуса, стала плача обливаться слезами Его ноги и отирать их волосами своей головы, целовала их и мазала миром. Фарисей же, видя это, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница... Христос сказал ему: «Симон! Я имею нечто сказать тебе: ...видишь ли ты эту женщину? Я пришел в твой дом, и ты воды Мне на ноги не дал; а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отёрла. Ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много...» (Лк. 7, 40, 44—47).

* Продолжение. Начало см. в «Б. тр.», сб. 22, 23.

Апостол Павел наставлял христиан: «Приветствуйте друг друга святым целованием» (2 Кор. 13, 12).

Первое историческое свидетельство о существовании у христиан поцелуя во время богослужения дошло до нас в первой Апологии мученика Иустина Философа. Он говорит, что человека, уверовавшего и принявшего крещение, члены общины вели «к так называемым братьям в их собрание для того, чтобы с усердием совершить общие молитвы как о себе, так и о просвещенном, и о всех других повсюду находящихся, чтобы нам, познавши истину, явиться и по делам добрыми гражданами, исполнителями заповедей, для получения вечного спасения. По окончании молитв мы приветствуем друг друга целованием»¹.

Вторым нашим источником является «Апостольское предание» святого Ипполита Римского, написанное около 215 года².

Во время святого Ипполита в Церкви уже существовали катехизические поучения для готовящихся к принятию крещения. На этих поучениях могли присутствовать и крестившиеся. Тем и другим Ипполит посвящает особую главу «О молитве тех, кто слушает слово»³. Как ревностный хранитель апостольских преданий Ипполит не позволяет оглашаемым молиться вместе с верными. Помня, что Иуда предал Христа поцелуем после того как он взял на Тайной вечери из рук Учителя кусок хлеба и в него вошел сатана (Ин. 13, 27), Ипполит категорически запрещает оглашаемым молиться вместе с верными, потому что общая молитва должна завершаться поцелуем. Целование же некрещенных «еще не свято»⁴, поскольку они сами, не будучи крещенными, не имеют дара Духа Святого. Основанием для запрещения совместной молитвы некрещенных с крещенными служили слова апостола Павла о даровании в крещении дара Духа Святого, без которого человек не может исповедывать Иисуса Христа Господом, то есть Сыном Божиим. «Никто говорящий Духом Божиим не произнесет анафемы на Иисуса, и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1 Кор. 12, 3).

Вместе с тем святой Ипполит имеет в виду оградить святость поцелуя мира и в тех собраниях, где присутствуют только верные. «Верные же пусть приветствуют друг друга: мужчины мужчин, и женщины женщин, но мужчины пусть не приветствуют женщин»⁵.

Первый поцелуй крещаемому давал епископ, после того как тот выйдет из воды. Епископ наливал освященный елей себе на руку и, возлагая ее на голову новопросвещенного, говорил: «Помазываю тебя святым елеем, во имя Господа Отца Вседержителя и Иисуса Христа и Святого Духа». И, помазав лоб его, давал ему первый братский поцелуй⁶. Так епископ совершал помазание каждого из новопросвещенных в отдельности.

Изложив порядок завершения крещения, Ипполит далес пишет: «И с этого времени пусть молятся они вместе со всем народом. Молиться же с верными прежде, чем они исполнят всё это, они не должны. После молитвы пусть дают им (т. е. новопросвещенным.— Н. У.) целование мира⁷. Поэтому современник Ипполита Тертуллиан, пресвитер Карфагенской церкви, называет поцелуй мира печатью молитвы (signaculum orationis)⁸.

Третьим нашим источником служит «Страдание святой Перпетуи», в котором многократно упоминается «поцелуй мира», или «целование святых».

Несколько слов из истории появления этого литературного памятника. После ужасного гонения на христиан императором Марком Аврелием (160—180) правление его преемников Коммода (180—192) и Септимия Севера (193—211) можно назвать климатом постепенного изменения религиозной политики императоров в пользу христиан. Курс настолько сместился вправо, что в народе ходила молва, якобы оба императора были тайными христианами. Карфагенский пресвитер Тертуллиан, юрист по образованию и автор многих трактатов, писал о Септимии Севере, что этот император не только не преследовал христиан, но «еще дал свидетельство в их пользу и противостоял ярости народной, направленной против них»⁹. Возможно, что под этим свидетельством Тертуллиан имел в виду изданный в 202 году закон, запрещавший под страхом смертной казни прозелитизм как в иудейство, так и в христианство. Согласно этому закону, принявшие крещение до его издания не подвергались преследованию.

Закон, распространявшийся только на принявших крещение после его издания, являлся косвенным признанием законности существования христианства вообще, и в этом смысле можно понять выражение Тертуллиана, как одобряющее закон, имеющий для христиан значение гаранта свободы их вероисповедания.

Что же касается строжайшего запрещения под страхом смертной казни принимать крещение после издания закона, то в данном случае император шел на компромисс с кровавыми низами населения, недовольными его либерализмом по отношению к христианам.

В том же 202 году в Карфагене были арестованы: молодая женщина 22 лет, недавно овдовевшая и имеющая грудного ребенка, дочь знатных родителей, благородного воспитания и высокообразованная Перпетуя, ее брат Сатур, ее рабыня Фелицитата и ее муж Ревокат и еще два молодых человека — Сатурнин и Секунд¹⁰.

В основе «Страдания» лежит личный дневник Перпетуи (главы 2—10)¹¹.

Последнюю из этих глав она написала после вынесения ей смертного приговора, под впечатлением сновидения, в котором она боролась с чудовищем и одержала над ним победу. Здесь она оставила последнюю запись: «Вот я записала всё, что происходило со мной до дня представлений. Поймите меня, что не со зверем я боролась, но сражалась с дьяволом; и победила его. Это я написала для любознательных; то же, что будет в амфитеатре, пусть напишет желающий»¹². Главы 11—13, в которых описан сон Сатура, принадлежат последнему¹³.

Кто же приписал 1-ю главу, имеющую значение предисловия к «Страданию», и последние главы, с 14-й по 21-ю, в которых описываются страдания мучеников в амфитеатре? Сходство языка, синтаксиса, терминологии и идей между трудами Тертуллиана: «К мученикам», «О терпении» и «Страданием мучениц Перпетуи и Фелицитаты» (так иногда называется «Страдание мученицы Перпетуи»), не вызывает сомнений. Он же вписал в начале 11 главы фразу, связующую описание сновидения Сатура с предсмертными словами Перпетуи (гл. 10)¹⁴: «Sed et Satorus benedictus hanc visionem suam edidit, quam ipse conscripsit».

«Страдание» написано на латинском и греческом языках. В тридцатых годах текущего столетия известный немецкий византолог Г. ван

Бекк высказал предположение, что латинский и греческий списки «Страдания» принадлежат одному и тому же лицу. Но это мнение не нашло поддержки среди ученых, так как сравнение латинского и греческого текстов в главах 16, 3 и 21, 2 показало, что латинский текст был оригиналом, а греческий — переводом, потому что перифраз данных мест может быть понят только в латинском тексте¹⁵. Ж. Квастен высоко ценит «Страдание», как одно из лучших произведений древнехристианской литературы и уникум, вышедший из-под пера самих мучеников¹⁶.

Подробные сведения о мученической кончине Перпетуи Тертуллиан мог получить от оглашаемого Рустика, который присутствовал в амфитреатре и разговаривал с самой мученицей, когда она пришла в сознание после ранений ее дикой коровой¹⁷. О кончине же Сатура он мог узнать со всеми подробностями от начальника тюремной охраны Пудента, о котором Перпетуя после вынесения смертного приговора ей, Сатуру и их друзьям оставила в дневнике запись: «По прошествии нескольких дней Пудент, начальник тюремной охраны, видя, что Бог покровительствует нам, оказал нам великую честь, позволив нашим братьям приходить к нам и утешать нас, и самим утешаться»¹⁸. После боя с дикой коровой пришедшая в сознание Перпетуя «позвала к себе своего брата и другого оглашаемого и сказала им: «Стойте в вере, любите друг друга и не смущайтесь моими страданиями»»¹⁹.

Кто же был тот оглашаемый, которого вместе с братом позвала Перпетуя? Об этом мы узнаем из дальнейшего текста «Страдания». Здесь читаем: «В это же время, то есть простившись с Перпетуей, Сатур, войдя в другой portик с начальником тюремной охраны Пудентом, сказал ему: «разве я не говорил тебе раньше, что звери мне ничего не делают? Веруй от всего сердца. Я умру только от леопарда». И действительно в конце спектакля леопард, бросившись на него, одним ударом зубов ранил его так сильно, что кровь полилась большой струей, и народ кричал ему: «Вот крещающийся во второй раз!»²⁰ Переверни здорового! Переверни здорового! Чтобы встал здоровым, который был вымыт на этом месте!» Сатур же, обратившись к Пуденту, сказал: «Прощай, мой друг! Помни о моей вере и подражай ей, пусть не смущает тебя моя смерть, но ободряет и укрепляет на страдания». Сняв со своего пальца перстень, он окунул его в своей крови и, подавая Пуденту, сказал: «Прими его как залог нашей дружбы, носи его из любви ко мне и пусть кровь, которой он обогрел, напоминает тебе, что сегодня я пролил ее ради Иисуса Христа». Его отнесли в помещение, где лежали не умершие от своих ран»²¹.

Церковноисторическая наука не знает второго документа, подобного «Страданию мучениц Перпетуи и Фелицитаты», весьма значительная часть которого была бы написана собственноручно узниками в ожидании ими «Нового рождения» (так называли христиане день кончины мучеников). Содержание «Страдания» имеет большое значение для истории христианства, для понимания психологии мучеников, переживших страшные страдания и мужественно умиравших. В свидетельствах же, которые описали сами узники, мы видим небесную евхаристию, «Доброго пастыря» (Ин. 10, 11, 14), кормящего своих овец молоком, видим целование святых, что не сохранилось ни в описаниях, ни в изображениях. В этом отношении «Страдание» является для науки источником, на основании сведений которого можно получить

хотя бы относительно верное представление об интересующем нас обряде раннехристианского богослужения.

За несколько дней до первого сновидения Перпетуя и все заключенные одновременно с ней были крещены (христиане пользовались возможностью за деньги, которые они давали тюремной охране, провести в тюрьму священника, который оглашал и крестил там желающих)²². О первом сновидении, которого она сподобилась после крещения, она записала: «Я видела золотую лестницу, чрезвычайно высокую, которая доходила от земли до неба, но такую узкую, что по ней можно было восходить только поодиночке, потому что ее бока были увешаны и утыканы острыми мечами, охотничьими ножами, дротниками, косами, кинжалами и длинными пиками, так что если пойти по ней без осторожности и опустив глаза вниз, то нельзя остаться неповрежденным. Внизу у лестницы сидел страшный дракон²³, который готов был броситься на каждого, кто хотел подойти к лестнице. Сатур все время домогался войти и вошел первым. Поднявшись на последнюю ступеньку, он обратился ко мне: «Перпетуя, я жду тебя, но опасайся, чтобы дракон не проглотил тебя». Я крикнула брату: «Я не боюсь его», и с именем Господа Иисуса Христа решила идти. Дракон отвернулся, и когда я делала первый шаг на лестницу, наступила на него, как на ступеньку. Взойдя на лестницу, я оказалась в большом саду, среди которого стоял благообразный человек в одежде пастуха, волосы у него были белы, как снег, около него стояло стадо овец, которых он доил. Здесь же стояли бесчисленные тысячи лиц, одетых в белые одежды. Наклонив голову и назвав меня по имени, он сказал мне: «Ты, дочь моя, хорошо прошла». И дал мне молока, которое только что надоил. Оно было так густо, как сыр. И я, сложив руки, приняла его и съела. И все стоящие кругом сказали: Аминь»²⁴.

Второй ее сон, он же и последний перед смертью в амфитеатре. Вот что она писала: «Накануне представлений я видела сон. Мне показалось, что диакон Помпон подошел к воротам нашей тюрьмы, громко застучал в них, и я выбежала, чтобы отворить ему их. Он был одет в белую одежду из очень дорогой материи и украшенную по краям множеством золотых гранатов. Он сказал мне: «Перпетуя, я жду тебя; пойдем». И взял меня за руку, и мы пошли по узкой и тернистой дороге. Сделав несколько поворотов, мы пришли к амфитеатру. Он привел меня на середину и говорит мне: «Не бойся, я приду сражаться вместе с тобой и за тебя», и ушел. Так как я была уверена, что мне придется быть со зверями, мне было непонятно, почему не выпускают зверей против меня. В это время появился египтянин²⁵ ужасно отвратительной наружности, который с толпой подобных ему безобразных двигался ко мне и предложил бороться. Тотчас явились ко мне с услугами весьма добрые молодые люди. Они сняли с меня одежду, и я почувствовала себя мужественной и сделалась сильным работником. Эти молодые люди намазали меня маслом, как полагалось мазаться тем, которые вступали в борьбу или в бой. И когда я готова была вступить, ко мне подошел человек высокого роста и осаннистый. На нем была пурпуровая одежда с множеством складок и с бриллиантовой застежкой. У него в руках была трость, какую носят управители на играх, и зеленая ветвь с золотыми яблоками. Приказав всем молчать, он сказал: «Если египтянин одержит победу над женщиной, то ему будет позволено убить ее. Но если женщина

окажется победительницей египтянина, в таком случае она получит эту ветвь и эти золотые яблоки». Сказав это, он занял свое место. Мы схватились с египтянином и начали борьбу. Он старался свалить меня, а я избегала его хитростей и наносила ему удары в лицо. Я чувствовала себя как бы поднявшейся на воздух, и мне было легко поражать противника. Видя, что борьба может затянуться, я сложила свои руки так, что пальцы одной заходили между пальцами другой, и опустила их на голову египтянина. Он упал на песок. Зрители аплодировали мне, а мои добрые защитники запели, и их мелодия смешивалась с аплодисментами народа. Я подошла к наблюдателю игр, который был свидетелем моей борьбы, и получила ветвь с золотыми яблоками. Вручая мне эту ветвь, он сказал: «Дочь моя! да будет мир с тобою вечно!»²⁶ Я вышла из амфитеатра воротами, которые называются Санви-вариум»²⁷.

Как было сказано выше, главы 11—13 были написаны братом Перпетуи Сатуром. Сатуру тоже снился сон, в котором он и его сестра Перпетуя присутствовали на небесном богослужении и участвовали в обряде целования святых. «И мы шли близ какого-то места, имеющего стены, словно сделанные из света, и из дверей этого места вышли четыре ангела, которые одели нас в белые одежды; и мы шли и услышали настойчивые голоса непрерывно говорящих: «Свят, Свят, Свят». И мы видим сидящего на этом месте какого-то человека убеленного, локоны которого подобны снегу и свежести лица его, ноги же его невидимы. И справа и слева от него по четыре старца, а за ним множество пресвитеров. Когда же мы были приведены и стали перед тронем, четыре ангела приподняли нас, и мы поцеловали его и он возложил на нас руки. И прочие пресвитеры сказали: «Станьте, будем стоять и творить мир». И после обмена поцелуем старейшие служители сказали нам: «Идите и радуйтесь». И я спросил: «Перпетуя, какое ты имеешь желание?» Она сказала: «Благодарение Богу за то, что я во плоти была с благодатью, теперь же хочу больше»²⁸.

Мы остановились на последнем дне жизни мучеников. Подходим к последнему часу ее. После небольшого перерыва кровожадная масса стала требовать, как она всегда это делала, чтобы недобитых страдальцев выдали гладиаторам. По ее требованию на арену были введены и карфагенские мученики. Они все вместе стали и без видимого волнения и слез дали друг другу последний братский поцелуй и отдались в руки гладиаторов. Сатур скончался первым, как и сказано было ему во сне Перпетуи, что он первым преодолел устрашения дракона и поднялся на лестницу, ведущую на небо. Дольше всех мучилась Перпетуя. Она попала в руки неопытного гладиатора. Его дрожащая рука наносила ей раны, от которых она чувствовала боль, но не могла умереть. Тогда она сама поднесла его нож к своей шее и показала ему, куда надо воззить его, что он и сделал²⁹. Это было 7 марта 202 года.

Римские зрелищные представления отличались жестокостью, доходящей до кровожадности. В особенности это проявлялось по отношению к христианам. О последних мало знали, и сами христиане не афишировали ни своей жизни, ни богослужения. «Понаслышке» о них говорили, что они на своих собраниях пьют кровь младенцев и занимаются колдовством, так что могут уйти при закрытых дверях, могут показаться мертвыми и потом встать живыми. Эти искаженные пред-

ставлення о християнах, их богослуженні и вере беспокоили темную массу, и терзаніе християн дикими животными вызывало еще бoльшую ненависть к мученикам. Поэтому они требуют, чтобы недобитых вновь вывели на арену. Более того, когда на арене не оставалось ни одного живого, мертвых выносили на середину с тем, чтобы, когда гладиатор пронзит тело каждого мертвеца, каждый зритель своими глазами мог убедиться в том, что все осужденные на растерзаніе умерщвлены.

Описав кровожадность язычников и трусость их перед трунами, Тертуллиан краткими словами противопоставляет им мужественную смерть мучеников: «Прежде чем это (произошло), они дали друг другу общий поцелуй, чтобы их страданіе составило торжество мира» (ante iam osculati invicem, ut martyrium per solemnia pacis consummarent)³⁰.

Это мир Христов, который Он дал апостолам в прощальной беседе с ними. «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам, не так, как мир дает, Я даю вам» (Ин. 14, 27). Источником этого мира является любовь не только к родным и добрым знакомым, но и ко всем людям вне зависимости от их национальности и вероисповеданія, возраста и пола. Иоанн Богослов указывает на такую любовь как на путь к познанию Бога. «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь... Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге и Бог в нем... Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо нелюбящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит» (1 Ин. 4, 8, 16, 20).

Апостол Павел перечисляет духовные плоды християнской любви: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердіе, вера, кротость, воздержаніе» (Гал. 5, 22—23). «На такихъ несть закона» (там же, ст. 23), то есть, если ветхозаветный человек мог считать добродетель как некую заслугу перед Богом, то для християнина все эти добродетели являются потребностью его души и поэтому не могут быть исчисляемы. Высшую ступень добродетельности имеют «те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» (там же, ст. 24). Свое наставленіе апостол заканчивает словами: «Если мы живем духом, то по духу и поступать должны. Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать» (ст. 25—26). Это минимум тех нравственных качеств, без которых не может быть християнского отношенія к людям.

В гомилии 78 на Евангеліе Иоанна Богослова Златоуст говорит: «Ничто не может сравниться с единомыслием и согласіем. При этом и один бывает равен многим... Видишь ли необыкновенную силу любви... Чего не может сделать природа, то может сделать любовь. Одной частью он будет здесь, а другой там, или, лучше,— он весь здесь и весь — там... Поэтому-то и в таинствах мы целуем друг друга, чтобы нам, многим, быть — едино»³¹.

Он же в четвертой беседе «О Непостижимом» говорит о времени совершенія обряда и его значеніи. «Это повелевает всем диакон, когда говорит: «Прямо станем добре», и это установлено не напрасно и не без причины... В посланіи он (апостол Павел.— Н. У.), обращаясь к людям павшим и отчаявшимся под бременем несчастій, говорит: «Итак, укрепите опустившіяся руки и ослабевшія колени» (Евр. 12, 12). Неужели он говорит о руках и ногах телесных? Нет, он

беседует не со скороходами, и не с борцами... Представь, близ кого ты стоишь, с кем будешь призывать Бога — с херувимами! Для того нам и повелевается в это время стоять добре, ибо стоять добре значит не что иное, как стоять так, как следует человеку стоять перед Богом»³².

К. А. Свайнсон полагает, что эти слова исконы были началом этого обряда³³. Предположение Свайнсона подтверждается описанием сновидения Сатура, в котором он видел себя и Перпетую присутствующими на небесном синаксисе, где обряд целования святых начинался словами пресвитеров: «Станьте, будем стоять и творить мир». Возможно, что такими словами обряд целования святых начинался уже во II веке.

Несколько слов о причащении молоком из рук «Доброго пастыря», которого удостоилась Перпетуя в сновидении. Идейную основу для причащения молоком дали слова апостола Петра: «Как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение, ибо вы вкусили, что благ Господь» (1 Петр. 2, 2—3).

В Апостольском предании сказано, что после того, как будет дано целование мира, диаконы приносят епископу приношение (хлеб), чашу со смешанным вином и молоко, смешанное с медом, что означает полноту обетования, данного отцам, когда Он сказал: «Дам вам землю, источающую молоко и мед», которую и дал — Тело Свое — Христос, от Которого, подобно маленьким детям, питаются верующие, превращая горечь сердца в сладость Слова, вода также в приношении — знак омовения, чтобы и внутренний человек, то есть духовное начало получило то же, что и тело³⁴.

Причащение совершалось так. Преломив хлеб, епископ давал каждому кусочек и при этом говорил: «Хлеб Небесный во Христе Иисусе», принимающий отвечал: «Аминь». Три пресвитера или диаконы стояли с чашами. Первый стоял держащий чашу с водой. Он говорил: «Во имя Бога Отца Всемогущего». Причастник делал три глотка из чаши и говорил: «Аминь». Вторая чаша была с молоком, растворенным медом. Держащий ее говорил: «И во имя Господа Иисуса Христа». Причащающийся делал три глотка и говорил: «Аминь». Третья чаша была с вином, растворенным водой. Держащий ее говорил: «И во имя Святого Духа и Святой Церкви». Причащающийся делал три глотка и говорил: «Аминь»³⁵.

Читателя может смутить столь сложный обряд причащения и самый порядок его. После принятия причастником Тела Христова ему преподавалась вода, затем молоко, растворенное медом, и напоследок — чаша Святой Крови. Это не что иное, как древнейший вид евхаристии, о котором писал апостол Павел к коринфским христианам (1 Кор. 11, 20—34). В то время Евхаристия соединялась с вечерней трапезой, на которой сначала предлагался хлеб и прочие яства, которые, разумеется, благословлялись, в силу благочестивой традиции, о чем напоминал тем же коринфянам апостол Павел: «Едите ли, пьете ли, или иное что делаете, всё делайте во славу Божию» (1 Кор. 10, 31). Святая же чаша преподавалась после вечера, о чем тот же апостол писал: «Также и чашу после вечера, и сказал: сия чаша есть Новый Завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить в Мое воспоминание» (1 Кор. 11, 25).

За святой трапезой были и святые речи — воспоминания о Христе очевидцев Его, и рассказы о чудесах Его, о Его распятии, крестной смерти, славном воскресении и вознесении Его на небо. Все это апостол объединил в кратких словах: «Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1 Кор. 11, 26).

Ко времени святого Ипполита Евхаристия совершалась уже вне связи с вечерней трапезой, и изложенный выше ритуал причащения совершался только на литургии, связанной с таинством Крещения. Этим можно объяснить произношение епископом слов при причащении хлебом: «Хлеб небесный во Христе Иисусе», при причащении водой: «Во (имя) Бога Отца Вседержителя», при причащении молоком с медом — «И во (имя) Господа Иисуса Христа», и при причащении Святой Кровью — «И во (имя) Святого Духа и Святой Церкви», которые были заимствованы из крещальных символов и в которых исповедовалась Тринипостасность Божества и святость Церкви.

Как видно из дневника Перпетуи, через несколько дней по принятии крещения ее брат Сатур обратился к ней с просьбой — помолиться Богу, чтобы Он открыл ей в сновидении или каким-то другим образом, будет ли она отпущена домой или ей придется пожертвовать жизнью? По просьбе брата, Перпетуя, «сподоблявшаяся от Бога откровений и каждый день получавшая тысячу знаков Его благодати», обратилась с молитвой к Богу и видела сон, который обстоятельно изложила в дневнике³⁶. Содержание этого первого сновидения Перпетуи пишущий эти строки изложил выше. В данном случае он остановится только на том моменте, когда поднявшийся на лестницу Сатур крикнул сестре: «Перпетуя, я жду тебя, но опасайся, чтобы дракон не поглотил тебя», и, когда она, ответив ему: «Я не боюсь его», с именем Господа Иисуса Христа решила идти, дракон вдруг отвернулся от нее, так что Перпетуя, делая первый шаг на лестницу, наступила на него, как на ступеньку.

Другой случай чудесной помощи она видела во сне накануне мученической кончины, когда боролась с чудовищем. Когда борьба их затянулась, и, по-видимому, она стала утомляться, из опасения оказаться побежденной, она сложила руки так, что пальцы одной руки вошли между пальцами другой. В таком виде она положила их на голову чудовища, и последнее упало на песок.

Итак, имя Господа Иисуса Христа, мысленно произнесенное Перпетуей, и начертание первой буквы Его имени $\chi\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$, сделанное сложением пальцев двух рук (заметим, что Перпетуя владела греческим языком и во сне объяснялась на нем)³⁷, делало напрасными козни днавола, которыми он пытался устроить мученицу.

Человеческий разум не может объяснить — каким образом сновидение давало силы мученикам переносить ужасные страдания. Ответом на это могут быть слова апостола Петра, сказанные народу в объяснение события сошествия Святого Духа: «И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всяку плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут» (Деян. 2, 17). О силе же Креста Господня уже святой Ипполит писал: «Всегда старайся осенять смиренно свой лоб крестным знаменем. Ибо это знак Страданий Иисуса Христа, данный против днавола, если кто с верой

его совершает, а не для угождения людям, чтобы, зная это, предлагать его как панцирь. Ибо дьявол, видя духовную добродетель, исходящую от сердца, подобно явно совершенному крещению, трепеща обращается в бегство, когда ты не уступаешь ему, а вдохновляешь самого себя. Это самое было в прообразе Моисеева агнца, которого принесли в жертву на Пасху и кровью которого окропляли порог, помазывая оба косяка дверей, и это обозначает то, что есть теперь в нас — веру в совершенного Агнца. Осеняя себе рукою лоб и глаза, мы отгоняем того, кто пытается погубить нас»³⁸.

Вера в силу животворящего Креста создала у христиан традицию к изображению в искусстве — фресках, скульптуре, на иконах, на медальонах, на саркофагах — мучеников и мучениц вне зависимости от их возраста, держащими в правой руке Крест, а позднее обычай на могиллах христиан ставить Крест.

Итак, причащение молоком, растворенным медом, было не только в Риме, но и в Карфагене, иначе мученица Перпетуя не видела бы его во сне. Более того, оно было широко известно в Церкви, в особенности на окраинах империи — в Египте и в Сирии. Автор «Апостольского предания» — святой Ипполит в истории Вселенской Церкви III века представлял собою яркую, колоритную личность. Он экзегет и догматист, историк и канонист и проповедник. Запад забыл труды Ипполита. Возможно, что причиной забвения был церковный раскол в самом Риме, в котором Ипполит был небезучастен.

Ипполит, которому в 217 году, когда вспыхнул раскол, было около пятидесяти лет (родился около 170 или 175 года), как ревностный хранитель преданий, принятых от апостолов, вел активную борьбу с еретиками, в частности, с савеллианами, и открыто обвинял папу Зеферина (198—217) в принадлежности к этой ереси. После смерти папы Зеферина одна часть римских христиан избрала ему преемником Каллиста (217—222), другая же предпочла Ипполита. Возник раскол, который продолжался до 235 года, когда по приказу Максимиана Тракса и папа Понтинан и антипапа Ипполит были сосланы в рудники на Сардинию, где оба скончались.

Возможно, что воспоминание об Ипполите для римских клириков было неприятным и имя его как однозное стало забываться, а с забвением имени автора тем скорее забывались его труды. Время делало свое дело. Статуя Ипполита, сделанная в III—IV вв. его почитателями, затерялась и только в 1551 году была найдена в Риме, но имя его забылось.

Иначе к памяти Ипполита отнесся Восток, в особенности окраины империи Сирия и Египет. Ж. Квастен по этому поводу пишет: «Тогда как на Западе «Апостольское предание» не имело большого влияния и было скоро забыто вместе с другими его трудами, Церковный чин (Апостольское предание.— *Н. У.*) был принят на Востоке, в особенности в Египте, где переводы его на коптский, эфиопский и арабский (языки.— *Н. У.*) имели значение импорта для оформления богослужения как обоснования христианской жизни и свода законов в Восточных Церквях»³⁹.

Имя святого Ипполита на Востоке было настолько авторитетным, что оно оказалось приписанным к каноническому сборнику, написанному в 500 году в Сирии и представляющему неквалифицированную редакцию Ипполитовых церковных установлений, не имеющую ника-

кого отношения не только к оригинальным греческим канонам, но и к Ефиопской и Арабской версиям их⁴⁰.

Поэтому автор не допускает мысли, чтобы Египет, приняв в начале III века «Апостольское предание», изъял из него указание о причастии новопросвещенных молоком, смешанным с медом, которому сам Ипполит придавал глубокий богословский смысл, подтверждая это словами Священного Писания: «А молоко, смешанное с медом, символизирует вместе полноту обетования, данного отцам, когда Он (Бог.— Н. У.) сказал: «Дам вам землю, источающую молоко и мед», которую и дал — Тело Свое — Христос, от которого, подобно маленьким детям, питаются верующие, превращая горечь сердца в сладость Слова»⁴¹.

Традиция могла быть предана забвению когда-то позднее, не ранее второй половины IV века, когда становятся известными так называемые 85 правил Апостольских, из которых третье правило запрещает приношение к жертвеннику некоторых продуктов и в первую очередь меда и молока⁴².

* * *

После двухсотлетнего периода, в который не один раз относительно спокойная жизнь христиан сменялась многолетним жестоким гонением, причем последующие гонения оказывались более ужасными, чем предыдущие, с изданием Миланского эдикта христиане стали равноправными перед законом. Люди могли жить и спокойно трудиться, отдыхать, веровать и молиться.

Предоставив христианам свободу их вероисповедания, какой пользовались все народы империи, Константин в личной жизни вскоре стал проявлять явное расположение к христианам. Гувернером к старшему сыну Криспу он взял Лактанция, в свое время назначенного Диоклетианом на должность учителя ораторского искусства в столице (Никомидия), а затем в 300 году за принятие христианства снятого Диоклетианом же с этой должности. Лактанцию же было поручено воспитание троих мальчиков — детей Константина от второй его жены Фавсты.

Затем издается ряд законов, благоприятствовавших христианам. В 315 году издается закон за подписью Константина и Лициния об освобождении христианских клириков от всех общественных обязанностей (*munera civilia*) по тому мотиву, что «если они будут служить Божеству со всей ревностью, то, кажется, и для общественных дел произойдет от того много пользы»⁴³. В 316 г. выходит закон, запрещающий выжигать клеймо на лице преступника, осужденного на казнь (*ad similitudinem pulchritudinis coelestis*, т. е. потому, что он создан по образу небесной красоты)⁴⁴. В 320 году отменяется закон Юлия Цезаря, обязывавший всех мужчин быть женатыми, иначе говоря разрешается безбрачие⁴⁵. В 321 году узаконяется для христиан право освобождения рабов не в магистрате, а в церкви, перед общиной. Клирики должны были оформлять отпущение своих рабов письменно (*a testamento*), а мирянам устно достаточно было одной фразы их владельца (*liber esto = будь свободен*)⁴⁶. После Никейского Собора император проявляет кипучую деятельность по сооружению христианских храмов, в первую очередь в Иерусалиме и его окрестностях, связанных с жизнью Иисуса Христа от Его рождения до вознесения включительно⁴⁷.

Зная одну из положительных сторон христианской религии: мужество, с каким христиане переносили ужасные пытки и не менее мучи-

тельную смерть, их братское отношение как к единоверцам, так и к окружающим их людям вне зависимости от национальности и социального положения последних, Константин видел в них силу, могущую упрочить его многонациональную и пеструю в религиозном отношении империю. Из этих соображений вполне логичным было предпочесть христиан перед язычниками и, сверх объявленной им свободы отправления религиозных обрядов, предоставить льготы, которые вытекали из существа их религии.

Но он плохо знал, точнее сказать не представлял христианского вероучения о Боговоплощении и его значения для спасения людей. Большинство образованного населения империи мыслило понятиями, унаследованными от предков, якобы богам, как и людям, свойственно рождение богов, но само рождение понималось как временное. Поэтому бывшим язычникам было ближе арианское учение о Логосе как о Боге производном или втором Боге, термин же «единосущие» или «единосущный», еще недостаточно выкристаллизовавшийся в христианском богословии, им был чужд.

Это вскрылось уже через три года после Первого Вселенского Собора, когда император возвратил из ссылки лидеров арианства: столичного епископа Евсевия Никомидийского, епископа Никейского Феогниста и пресвитера Александрийской Церкви Ария, и отправил в ссылку защитников Православия, причем главного защитника александрийского диакона Афанасия сослал в далекую Галлию без предъявления ему обвинения. Эта акция как в отношении ариан, так и православных была чуждой христианской морали, с политической же точки зрения это был произвол, служивший дурным примером для последующих императоров.

Автор далек от мысли излагать историю арианской смуты, продолжавшейся после Никейского Собора в течение более пятидесяти лет. Он только коснется тех обстоятельств, которые не могли не отразиться на богослужении.

Для арианства характерно его развитие «по спирали». Чем дальше шло время, тем наглее становились еретики. Если на Никейском Соборе были споры о том, единосущен Сын Богу Отцу или подобосущен, то в 357 году в Сирмии, в лагере Констанция была составлена формула, запрещавшая употребление терминов единосущный и подобосущный и провозглашавшая Отца большим и Сына подчиненным. Антиохийский Собор 358 года принял подобное же решение. Это обстоятельство открыло путь для деятельности крайних ариан, которые до сего времени молчали.

Это были аномии и омнии. Аномии открыто отрицали в личности Христа Божественную природу и признавали Его только человеком. Открытая пропаганда столь дерзкой ереси вызвала в народе название еретиков аномиями от греч. слова $\alpha\nu\omicron\mu\iota\omicron\varsigma$ = незаконник. Фракция омиев возникла из ренегатов аномейства. По существу это были те же аномии, но они вуалировали свое учение словами подобный во всем, что в понимании ариан означало, что Христос во всем подобен людям, то есть Он только человек. От слова $\omicron\mu\iota\omicron\varsigma$ = подобный, этих еретиков стали называть омниями.

Чего можно было ждать от епископов, воспитанных в языческом мировоззрении, обратившихся в христианство ради льгот и привилегий, дарованных императором Константином и благодаря связям с

придворной камарильей окунувшихся в политические интриги царедворцев? Поэтому не приходится удивляться, что Григория Богослова, прибывшего в Константинополь как православного епископа, константинопольцы встретили с камнями в руках, и первая в городе православная община его помещалась в одной комнате дома, где он остановился. Город был наполнен еретиками, и были многократные покушения на его жизнь. Как-то толпа изуверов-ариан, предводимая нищими, монахами сомнительного происхождения и фанатичными женщинами, вооруженная палками, камнями и факелами, вторглась в церковь Воскресения Христова (так назвал святой Григорий свою маленькую церковь, веруя, что в этом храме воскреснет Православие), переломала утварь храма и напала на собравшуюся малочисленную паству, в буйстве фанатичной толпы один мужчина был убит. На другой день Григорий был вызван в суд по обвинению в учинении происшедшего смятения. Но он блестяще доказал суду свою невинность, и его речь послужила к установлению его престижа как христианского епископа⁴⁸.

Худшим злом святитель Григорий считал всеобщее увлечение константинопольцев театральными зрелищами, так что богослужение и проповедь превращались в сценическую постановку. Сан пресвитера принимали люди не для того, чтобы проповедовать простым людям простого Христа, каким Он запечатлен в Евангелиях, а чтобы блеснуть своим красноречием и бурными аплодисментами слушателей создать себе славу выдающегося проповедника⁴⁹.

Не лучшим было состояние духовной жизни в это же время и в другом центре церковной жизни империи — в Антиохии. Антиохия — древний город и когда-то была столицей Сирии. В 80-е — 90-е годы IV в., когда в ней проповедовал, будучи пресвитером, Иоанн Златоуст, половина населения была еще языческой. Массы же христианского населения в нравственном отношении мало чем отличались от язычников. В одной из бесед на Евангелие Матфея Златоуст, толкуя слова Господа: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь; за то примете тем большее осуждение» (Мф. 23, 14), переходит к обличению своих слушателей. Что ты делаешь, человек? Высматриваешь красивых женщин и не трепещешь, нанося такое оскорбление храму Божию... Ужели ты считаешь церковь непотребным домом и ставишь хуже площади? На площади ты боишься и стыдишься быть примеченным, что высматриваешь женщин; а в храме Божием, когда Бог беседует с тобой и угрожает за такие поступки наказанием, то блудодействуешь и прелюбодействуешь в то самое время, когда слышишь, что не должен этого делать. И ты не трепещешь, не ужасаешься?.. Надлежало бы иметь внутри храма стену, которая отделяла бы вас от женщин. Но как вы не хотите этого, то отцы признали необходимым отделить вас, по крайней мере, этими деревянными досками; в древнее же время, я слышал от старцев, не было и таких стен. «О Христе бо Иисусе несть мужеский пол, ни женский» (Гал. 3, 28), да и во времена апостолов вместе находились и мужчины и женщины. Тогда и мужчины были мужчинами, и женщины женщинами, а ныне всё напротив: женщины усвоили себе нравы блудниц, а мужчины ничем не лучше коней нечистых»⁵⁰.

Обличая нарушителей церковного благочиния и довольно резко, Златоуст делал это из ревности о доме Божием, подобно Христу, изго-

нявшему из храма продающих и покупающих и опрокинувшего столы меновщиков и скамьи продающих голубей (Мф. 21, 12—13; Мк. 11, 15; Лк. 19, 45—46; Ин. 2, 14—16). При строгости к нарушителям чина церковного, он хранил тот душевный мир, о котором Христос в прощальной беседе с учениками говорил: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам, не так, как мир дает, Я даю вам» (Ин. 14, 27). Ни у кого из святых отцов, касавшихся богослужения, нет такого частого призыва к общей молитве, как у Златоуста. Ему принадлежат слова: «Слово «помолнимся» обращено не только к священникам, но относится и к народу; когда диакон говорит: «станем добре, помолнимся», то этими словами всех приглашает к молитве»⁵¹. Как предстоятель Златоуст преподавал мир народу не только при входе в храм, но и многократно во время богослужения. В беседе третьей на послание к Колоссянам он говорит: «Предстоятель церкви, как только входит, тотчас говорит «Мир всем», когда начинает беседу — «Мир всем», когда благословляет — «Мир всем», когда повелевает принести друг другу целование — «Мир всем» и во время совершения (освящения. — Н. У.) Даров также «благодать вам и мир»»⁵².

Возможно, что при крайней непросвещенности антиохийцев Златоуст ограничивался наставлениями о значении для христиан мира и согласия и неоднократно во время совершаемого им богослужения преподавал народу мир словами «Мир всем», говорил и о значении обряда целования святых (см. примеч. 32), но в отдельных случаях от совершения обряда воздерживался.

* * *

В 380-х годах в Сирии появилась книга под названием «Апостольские постановления в VIII книгах». Имя автора осталось неизвестным. В основу первых шести книг он положил «Сирскую дидаскалию», книгу, написанную в первые декады III века для христианских общин, соприкасающихся с языческим населением северной части Сирии⁵³. Эта книга имела еще названия: «Соборное учение двенадцати апостолов» или «Святые наставления нашего Спасителя». VII-ю книгу составило «Учение двенадцати апостолов», или, что то же, «Дидахи». Восьмую же — «Апостольское предание» святого Ипполита Римского.

Новый труд не был компиляцией в точном смысле этого слова. Составитель «Постановлений апостольских» использовал раннехристианские источники, из которых один — «Дидахи» — восходит к первой декаде II века и таким образом оказывается в непосредственной связи с апостольским временем⁵⁴. «Апостольское предание» датируют 215 годом⁵⁵ и «Сирскую дидаскалию», как сказано было выше, относят на первые декады III века. Итак, между перечисленными памятниками существует очевидная связь и преемственность. Более того, все памятники акцентируют внимание читателей на вопросах христианской нравственности, и в меньшей мере на догматическом учении Церкви.

В некоторых случаях составитель книги допускает в текст используемых источников коррективы. Так, например, в «Дидахи» указывалось первым благословение чаши, затем хлеба и третья молитва «по насыщении» была собственно евхаристической.

Такой распорядок вечери дан в «Дидахи», очевидно, потому, что общины, для которых было написано «Учение двенадцати апостолов», следовали порядку совершения Евхаристии, указанному апостолом

Павлом (1 Кор. 11, 20—34). В «Сирской дидакалии» уже указано совершение Евхаристии после синаксиса, но хлеб и вино освящаются отдельными молитвами⁵⁶. В книге VII-й «Постановлений апостольских» освящение хлеба и вина указано одной, общей молитвой, вторая же молитва является благодарственной по причащении. При этом обе молитвы помещены вне контекста Евхаристии⁵⁷. Очевидно, составитель «Постановлений апостольских» находил возможным их употребление, но не считал обязательным, так как в это время уже существовали: анафора в «Тестаментум»⁵⁸ и так называемая Климентова⁵⁹, апостола Иакова⁶⁰ и были известны подлинно авторские — Серапиона, епископа Тмуитского⁶¹, и Василия Великого⁶².

В VIII-ю книгу составитель внес довольно обстоятельно изложенные чинопоследования вечерни⁶³ и утрени⁶⁴ и последование о почивших христианах⁶⁵ с указанием дней совершения памяти их. Здесь же он дает обоснование к установлению этих, а не иных дней памяти усопших и рекомендацию сопровождать дни памяти раздачей имущества умершего нищим на поминование⁶⁶. Свое наставление он заканчивает словами: «Но это говорим о благочестивых; а что касается нечестивых, то хотя бы ты дал за них нищим все блага мира, никакой не принесешь пользы нечестивцу; ибо кто при жизни был врагом Божиим, тот, явно, враг Божий и по преставлении, потому что у Бога нет неправды, ибо Господь праведен и возлюбил правду» (Пс. 10, 7)⁶⁷.

Все изложенное приводит к выводу, что составитель «Постановлений апостольских», создавая свой труд, имел высокую цель, подобную той, какую в свое время имел святой Ипполит Римский. Тот, желая сохранить в чистоте существовавшие в его время в Церкви литургико-канонические нормы как ведущие начало от апостолов, назвал свой труд «Апостольским преданием». Составитель «Апостольских постановлений», по-видимому, православный епископ, живя в эпоху армянской смуты и вызванного последней упадка христианской нравственности, писал свой труд в целях воздействия на современников, поэтому название его труда оказалось созвучным «Апостольскому преданию» святого Ипполита.

В «Постановлениях апостольских» имеется два описания обряда «целования святых». Первое изложено во II-й книге «Постановлений» и было заимствовано составителем из «Сирской дидакалии»⁶⁸. Следовательно, оно отражает практику обряда, каким он был в III веке.

Обряд совершался в конце синаксиса, если епископ имел в виду совершение Евхаристии. В таком случае диакон, стоящий близ епископа, возглашал: «Да никто на кого, да никто в лицемерии». После этого возглашения присутствующие, у которых было какое-либо несогласие с кем-либо из членов общины, должны были молиться Богу «терзаясь совестью» и примириться с братьями⁶⁹.

Автор «Дидакалии» просто и вместе с тем убедительно доказывает необходимость примирения⁷⁰. «Если входящие в чей-либо дом прежде всего должны говорить: «Мир дому сему» (Лк. 10, 5) и как сыны мира давать мир достойным, как написано: «Пришел благовествовал мир вам, дальним и близким» (Еф. 2, 17), которых «познал Господь Своими» (2 Тим. 2, 19), то тем более входящие в церковь Божию должны прежде всего испрашивать мира Божия. А если испрашивают его другим, то тем более каждый должен иметь его в себе самом, как чад света, потому что кто не имеет его в себе самом, тому нельзя

доверить, чтобы мог даровать его другим. Поэтому прежде всего нужно быть в мире с самим собой, потому что кто не в распри с самим собой, тот не будет враждовать против другого, но будет мирным, дружелюбным, собирающим Господнее и содействующим Господу в умножении для Него спасающихся в единомыслии. Ибо вызывающие вражду и раздоры, несогласия и суды, злы и чужды Бога»⁷¹.

После наставления следовали два чтения из Священного Писания Ветхого Завета, респонсорное пение псалмов и чтение книги Деяний апостолов, посланий апостола Павла и Евангелия, затем поучение. Оглашаемые и кающиеся оставляли храм, верные же, обратясь лицом к востоку, выслушивали молитву. Диакон, стоящий близ епископа, вновь возглашал: «Да никто на кого, да никто в лицемерии». После возглашения совершался обряд целования святых. Мужчины целовали мужчин, а женщины — женщин. По окончании обряда диакон произносил мирную ектению. Предстоятель завершал ее, обратясь к народу со словами Моисея: «Да благословит тебя Господь — и сохранил тебя! Да призрит на тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя! Да обратит Господь лицо Свое на тебя и даст тебе мир!» (Числ. 6, 24—26), и, благословив народ, читал молитву: «Спаси люди Твоя, Господи, и благослови достояние Твое (Пс. 27, 8), которое Ты приобрел Себе кровию Своею (Деян. 20, 28), и нарек царским священством и народом святым» (1 Пет. 2, 9). Далее следовала Евхаристия.

Иной порядок совершения того же обряда дан в VIII-й книге. После того как не могущие присутствовать на Евхаристии покинут храм, диакон произносил мирную ектению и возглашал «Вонмем», епископ приветствовал верных словами: «Мир Божий со всеми вами», народ отвечал: «И со духом твоим». Диакон возглашал: «Целуйте друг друга целованием святым». Далее следует указание: «И пусть целуют клирики епископа, миряне мужчины — мужчины, женщины — женщин, а дети пусть станут к амвону, и при них пусть стоит другой диакон, чтобы не производили они беспорядка, другие же диаконы пусть обходят и смотрят за мужчинами и женщинами, чтобы не было никакого шума и чтобы никто не кивал и не дремал»⁷².

Сопоставляя обряд середины III века с обрядом 80-х годов IV века, нельзя не высказать предпочтения первому, потому что он был создан более глубокомысленно, чем второй. Для участия в обряде требовалось примирение со всеми и непамятозлобие вообще. Этим было вызвано двукратное возглашение диакона: «Да никто на кого, да никто в лицемерии» и наставление епископа о том, чтобы желающий принять участие в целовании святых молился Богу, «терзаясь совестью», и примирился с братьями. В ту пору высоконравственная жизнь христиан соответствовала их именованию «святые» и молитва «терзаясь совестью» и примирение с братьями давали христианину возможность участия в целовании святых и в причащении Святых Таин. В свете сказанного принимает глубокий смысл и благословение епископом участвовавших в обряде целования святых словами Моисея (Числ. 6, 24—26) и молитва о них, в которой они именуется «достоянием Божиим, которое Он приобрел Кровию Своею и назвал царским священством и народом святым».

Порядок совершения обряда целования святых, указанный в VIII-й книге, имеет только возглашение «Целуйте друг друга целованием святым». Нет и епископского наставления, но есть указание диаконам:

«Диаконы пусть обходят и смотрят за мужчинами и женщинами, чтобы не было никакого шума, и чтобы никто не кивал, не шептался, не дремал». Составитель «Постановлений апостольских» вынужден был внести это указание диаконам не беспричинно⁷³.

* * *

Протоиерей К. Кекелидзе в магистерской диссертации «Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение» (Тифлис, 1908) опубликовал рукопись Тифлисского церковноархеологического музея № 86, содержащую литургию апостола Иакова и чины посвящений и поставлений в разные церковные должности и чин освящения антиминса. Рукопись представляет архиерейский Чинovníк и когда-то принадлежала Мцхетскому патриаршему собору. Рукопись не датирована, что вызвало разноречивые мнения о времени ее написания, начиная с VI века и кончая XI-м.

В рукописи неоднократно упоминается католикос Симон.

Так, на литургии апостола Иакова диакон, помня живых, молится: «Помяни, Господи, и прославь приобретшего литургии сии Симона, католикоса Картли» (с. 57). (Картли — сокращенное от Карталиния. Так называлась по-грузински Восточная Грузия.— *Н. У.*). На ектении в начале чинов поставления на разные церковные должности есть прошение: «О небесной жизни и помиловании от Бога преподобного отца нашего во Христе, католикоса Картли Симона и о споспешествовании делу рук его Господу помолимся» (с. 96). В конце рукописи приписка: «Помяните грешную мою душу во святых ваших таинствах, имя мое Симон католикос... Я во Христе католикос Картли Симон написал святых сии литургии для архиерейского служения» (с. 166—167). Других координат, кроме своего имени, католикос Симон не назвал. В истории Грузинской Церкви с VI по XI век было три католикоса с именем Симон. Симон-Петр, по прозвищу Кирион, управлявший Церковью с 572 по 598 год. Другой Симон управлял с 867 по 878 год, третий — с 1002 по 1012 год. Историк П. Иоселиани высказал мнение, якобы литургия апостола Иакова была переведена с греческого на грузинский в XI веке митрополитом Тарса Киликийского Феофилом, грузином по национальности⁷⁴. Мнение историка Иоселиани повторил М. Сабинин⁷⁵, но оно не получило общего признания по той причине, что, как выяснил проф. А. Цагарели, на Синае существует грузинский список литургии апостола Иакова X века⁷⁶.

Проф. А. Хаханов отнес рассматриваемую рукопись к VI веку, поскольку в ней упоминаются византийские императоры до Юстиниана I включительно (527—565) и назван католикос Симон, современник Юстиниана⁷⁷. Но в рукописи упоминаются императоры, правившие после Юстиниана: «Помяни, Господи, и после них благочестно и верно царствовавших» (стр. 66) и упоминается VI Вселенский Собор 680 года. М. Джанишвили, исходя из того, что в рукописи упоминается мученик Або, пострадавший 6 января 786 г., и упоминаются шесть Вселенских Соборов, Седьмой же не упоминается (787), сделал вывод, что рукопись была написана в 786 г.⁷⁸ Но в житии мученика Або упоминается католикос Самуил, а не Симон.

Историк и палеограф Д. Бакрадзе на основании палеографических данных относил рукопись на годы царствования Баграта I (826—876), но рукопись имеет не только уникальное письмо, которым написан

Шарбедский сборник, относимый к X веку, но и мелкое строчное письмо, так называемое «ломаное», которое появилось в конце X века и господствовало в XI-м. В таком случае следует подразумевать под католиком Симона не I-го, а III-го, и начало правления его отнести не к 1001 или 1002 году, как это принято, а на конец X века⁷⁹.

Протоиерей К. Кекелидзе, суммируя все вышесказанное, пришел к выводу, что:

1) Грузинский перевод литургии апостола Иакова был сделан с греческого, о чем убеждают встречающиеся в нем гречизмы: *αγγελος* (стр. 13, 36 и др.), *προσφωρα* (стр. 2 и 77), *διακων* (стр. 16, 51, 57 и др.), *εκκλησια* (стр. 6, 9, 36, 46, 48), ряд других греческих слов.

2) Оригинал перевода был иерусалимского происхождения, поскольку в нем на екстени имеется прошение *υπερ των ελθοντων και ερχομενων χριστιανων του προσκυνησαι εν τοις αγιοις του χριστου τοτοις τοτοις*, то есть о приходивших и приходящих христианах поклониться на сих святых местах Христовых.

3) Поскольку в оригинале перечень императоров оканчивается Юстинианом I († 565), а самыми поздними святыми поминаются патриархи Модест († 634) и Софроний († 644), время написания оригинала следует отнести на рубеж VI—VII вв. С этого оригинала был сделан грузинский перевод, быть может в том же VII веке. Текст, изданный протоиереем К. Кекелидзе, был написан в конце X века при католике Симоне III и представляет копию предыдущего⁸⁰. В 1913 году С. Конибер и Ол. Вардроп перевели текст, изданный Кекелидзе, на английский язык. Их перевод был предметом исследования Гуссена⁸¹. Для меня перевод текста С. Конибера и Ол. Вардропа, а также и исследование Гуссена были недоступными, и я пользовался переводом с грузинского протоиерея К. Кекелидзе.

В данной рукописи мы впервые встречаем довольно обстоятельное изложение обряда целования святых. После Символа веры диакон возглашал: «Станем добре, отречшеса от всего, и все вместе Господу помолимся». Народ отвечал: «Кирие, елейсон». Священник произносил молитву апостола Иакова, первого епископа Иерусалимского: «Иже всяческим Бог и Владыка еси, сподоби нас, Человеколюбче, часа сего недостойных, яко да очистившеса от всякой лести и всякого лицемерия, соединимся друг с другом целованием святых, союзом любви и мира, и утвердимся Господом и Богом нашим Иисусом Христом в святости Твоего Божества». Возглас: «Яко Бог мира и любви и человеколюбия еси и Тебе славу воссылаем Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков». Народ: «Аминь». Священник: «Мир всем». Народ: «И духови твоему». Диакон: «Будем целовать друг друга целованием святости». После целования диакон возглашал: «Главы наша Господеви приклоним». Народ: «Тебе, Господи». Священник читал молитву: «Единый Господи и Боже милостивый, в вышних живый и на смиренныя призираяй, пошли благословение Твое преклонившим выи свои пред святым Твоим жертвенником (престол.— Н. У.) и просящим у Тебя духовных дарований, и всех благослови благословением духовным» и возгласно: «Яко хвально и поклоняемо имя Твое Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков». Народ: «Аминь»⁸².

Обе молитвы — и молитва с именем апостола Иакова (кстати, в греческих списках литургии апостола Иакова она не надписывается

его именем, что указывает на появление ее позднее времени апостола), и молитва, произносимая после обряда, дают основание считать, что «целование святых» имело более глубокий смысл и значение, чем современное понятие церковного обряда. Слова первой молитвы: «Сподоби нас, Человеколюбче, часа сего недостойных, яко да очистившись от всякой лести и всякого лицемерия», а также молитва по совершении целования святых, в которой испрашивается «духовное дарование и благословение духовное», указывают на благодатное освящение участников целования святых. Это не обряд в современном смысле этого слова, вроде «молитвы жене родильнице по четырёхдесятках», и не молебен или панихида. Это — sacramентальное чинопоследование, и Церковь допускала его участников к причащению Святых Таин без исповеди, тогда как тяжкие грешники подвергались покаянной дисциплине согласно правила 12-го Канонического послания святого Григория, архиепископа Неокесарийского, и допускались к причащению после длительного раскаяния⁸³. Итак, чинопоследование целования святых, будучи иерусалимским по происхождению, оказалось в грузинском архиерейском Чиновнике. Оно встречается и в ряде греческих литургических памятников, будучи связано с литургией апостола Иакова. К. А. Свайнсон в труде *The Greek Liturgies*, London, 1884, опубликовал в четырех колонках четыре манускрипта, содержащие литургию апостола Иакова:

1) Свиток Мессинского монастыря Спасителя (о. Сицилия);

2) кодекс, когда-то принадлежавший греческому монастырю Богородицы Одигитрии в Россано, и два манускрипта Парижской национальной библиотеки № 2509 и № 476.

Несколько слов о датировке и месте написания Мессинского манускрипта. Здесь читаем: «Помяни, Господи, святых отцов наших от святого Иакова апостола и брата Господня, первого архиепископа, до Николая, Илии, Венедикта, Агапия и Ореста, архиепископствовавших во святом граде Христа Бога нашего⁸⁴, и четырех вселенских православных патриархов — Венедикта Римского, Николая Константинопольского, Агапия Антиохийского и Илии великого града Александрии». Исходя из того, что Венедикт Римский занимал папский престол в 974—983 годы, Николай Константинопольский — в 980—992, Агапий Антиохийский — в 978—996, Илия Александрийский — в 1000 г., а Орест Иерусалимский — в 986—1004⁸⁵, позднейшей датой Мессинского манускрипта могут быть первые годы XI века.

Прошение на великой ектении после «целования святых» — «О приходивших и приходящих христианах поклониться на сих святых местах Христовых»⁸⁶, которое мы уже встречали в списке литургии апостола Иакова, опубликованном протоиереем К. Кекелидзе, указывает на иерусалимское происхождение этого списка, прошение же «О спасении и помощи преподобному отцу нашему имярек, всему клиру и христолюбивому народу Господню...»⁸⁷ указывает на принадлежность этого манускрипта какой-то Иерусалимской приходской общине.

В Россанском списке имеется два разных поминования патриархов Иерусалимских: «Помяни, Господи, отцов наших и архиепископов от святого Иакова апостола и брата Господня и первого из архиепископов до Иосифа и Ореста, православно архиепископствовавших во святом Твоем граде Бога нашего»⁸⁸, затем следует поминование Антиохийских патриархов в количестве 62, причем 53-й, Христофор, имену-

ется новым мучеником. В отдельном примечании Свайнсон пишет, что Петр был предшественником Феодосия и жил еще в 1054 г.⁸⁹ Следовательно, данный манускрипт мог быть написан во второй половине XI века, а быть может, в последних декадах его.

Протоиерей А. Петровский высказал мысль, что Россанский список был написан для Антиохийской Церкви. В подтверждение этого он ссылается на имеющееся в этом манускрипте прошение на великой ектении после целования святых — «О святом граде Христа Бога нашего и о царствующем граде и богименном (θεωνυμιον) граде нашем⁹⁰, то есть о городе, который назван именем Христа. Здесь имеется в виду город Антиохия, где уверовавшие во Христа «в первый раз стали называться христианами» (Деян. 11, 26).

По-видимому, автор труда «Апостольские литургии Восточной Церкви» упустил из виду, что ектении, а тем более диптихи, не отличались стабильностью. Напротив, по мере того как изменялись установленные в канонах границы поместных Церквей и на место умерших епископов поставлялись новые иерархи, все это отражалось на содержании диптиха. Россанский кодекс в этом отношении весьма показателен. В великой ектении, которая следовала после целования святых, вслед за прошением «о мире всего мира (ο̅χο̅ς) и единстве всех святых Церквей» произносилось прошение: «О святой обители сей и соборной и апостольской Церкви, от края земли и до края ее, Господу помолимся»⁹¹.

Прошение же «О святом граде Бога нашего и царствующем и богименном сем граде нашем, о всяком граде, стране и селении и в православной вере и в страхе Божиим живущих в них, о мире и покое их Господу помолимся», стоит на третьем месте после прошения «О святой обители сей...»⁹².

В диптихе первое поминовение: «Приносим Тебе, Владыко, и о святых Твоих местах, их же прославил богоявлением Христа Твоего и нисхождением Пресвятого Твоего Духа. Во-первых, о святом и всеславном Сионе, матери всех Церквей, и о всей вселенной святой Твоей соборной и апостольской Церкви, наполняя ее и ныне обильно дарами Всесвятого Твоего Духа, Владыко. Помяни, Господи, и святых отцов наших и епископов во всей вселенной православно изъясняющих слово Твоея истины»⁹³.

Второе поминовение: «Помяни, Господи, святой град Христа Бога нашего и царствующий и обитель сию, и всякий град и страну и в православной вере и страхе Божиим живущих в них, о мире и покое их»⁹⁴.

Третье поминовение: «Помяни, Господи, святой град Твой Бога нашего и царствующий и обитель сию и всякий град и страну и в православной вере и в страхе Божиим живущих в них, о мире и покое их»⁹⁵.

Четвертое поминовение: «Помяни, Господи, отцов наших и архиепископов от святого Иакова брата Господня и первого архиепископа до Иосифа и Ореста, православно архиепископствовавших во святом Твоем граде Бога нашего»⁹⁶.

Пятое поминовение: «Помяни, Господи, святых отцов наших и патриархов (следует перечень 62 патриархов, кончая Петром и Феодосием), православно архиепископствовавших во святой и древней Церкви христолюбивого града Бога нашего Антиохии»⁹⁷.

Приведенные выше прошения ектении и поминовения из диптиха Россанского манускрипта не позволяют автору этих строк согласиться

с мнением протоперея А. Петровского, якобы Россанский список был написан для Антиохийской Церкви. Если бы дело было так, как предполагает автор «Апостольских литургий», в таком случае были бы не нужны упоминания об иерусалимских архиепископах Иосифе и Оресте.

Свайнсон дополняет некоторые сведения о времени патриаршества отдельных иерусалимских и антиохийских патриархов, позволяющие уточнить датировку Мессинского и Россанского манускриптов. Он говорит, что Лев и Афанасий (то же, что и Леонтий и Анастасий) архиепископствовали в Иерусалиме между 928 и 950 годами. Орест был изгнан из Иерусалима и убит в 1012 году. Феofil «кажется» был преемником Ореста (seems to have succeeded), а Никифор был архиепископом около 1050 года⁹⁸. Из антиохийских патриархов он говорит о последних двух: «Петр был жив еще в 1054 году, а Феодосий был его преемником»⁹⁹. На основании этих сведений Мессинский свиток следует отнести к началу XI века, а Россанский кодекс — на вторую половину и даже, быть может, на последние декады XI века.

Остается неясным вопрос — одновременно ли произошли изгнание Ореста из Иерусалима и убийство его или неодновременно? В данном случае даты имеют особое значение, поскольку он значится последним иерусалимским архиепископом. Уточнение этой датировки мы находим у Бекка. «Одним из важнейших агиографов предъитальянской эпохи просвещения, — пишет он, — был патриарх Иерусалимский Орест с именем (патриарха. — Н. У.) с 986 по 1005 год. Личность его нам ближе прежде, чем он стал Патриархом, потому что его монашеская жизнь проходила в одном из калабрийских городов. Он сочинил житие святого Христофора, аббата Корлеонского, а также его сына Макария. Свою жизнь он описывает в рассказе о младшем сыне святого Христофора по имени Савва, который бежал с острова Сицилия от сарацинов в Калабрию. Скончался в Риме. Даты 986—1005 гг. могут быть достоверными. Орест после 19-летнего пребывания на патриаршей кафедре мог быть устранен от патриаршества. Это более вероятно, чем устранение и убийство в одну дату 1012 года. Но дату смерти патриарха в 990 году нужно считать ошибочной»¹⁰⁰.

Аббат Мерсье, классифицируя манускрипты, содержащие литургию апостола Иакова, по территориальному их пользованию и времени написания, считает, что Мессинский список является «более соседним к грузинскому, который тоже был написан с грузинского перевода греческого оригинала (Des manuscrits grecs M est le plus voisin de la recension georgienne)»¹⁰¹.

Россанский написан на пергаменте XIII века, но упоминание в диптихе умерших патриархов Антиохийского Феодосия и Иерусалимского Ореста означает, что оригинал был написан в XI веке и употреблялся в Иерусалимской Церкви. Будучи принесен в Италию крестоносцами, он был пожертвован в основанный в начале XII века монастырь Пресвятой Богородицы в Россано (Калабрия). Надо полагать, что здесь и был сделан с него список на пергаменте XIII века. В настоящее время Россанский манускрипт хранится в Ватиканской библиотеке под гр. 1970 XIII в.¹⁰²

Свайнсон, опубликовавший манускрипт Парижской национальной библиотеки № 476, датировал его XIV веком. В действительности же он написан на бумаге XV века. Среди умерших архиепископов послед-

ним упоминается Леонтий, занимавший Иерусалимскую патриаршую кафедру с 1187 до 1193 года. Следовательно, кодекс переписан с текста конца XII века. В манускрипте стандартные для иерусалимских списков поминования:

1) «Помяни, Господи, и святые Твои места, их же прославил еси Божоявлением Христа Твоего и ниспосланием Пресвятого Твоего Духа¹⁰³. В первых помяни Святой и всеславный Сион, мать всех Церквей, и во всей вселенной святую Твою соборную и апостольскую Церковь и ниспосли ей, Владыко, и ныне избыльные дары Всесвятаго Твоего Духа»¹⁰⁴.

2) «Помяни, Господи, святой Твой град Бога нашего и сей царствующий и всякий град и страну и православно и христоролюбиво живущих в них, мир и безопасность им даруя»¹⁰⁵.

3) «Помяни, Господи, приходивших и приходящих поклониться на святых Твоих местах Христовых»¹⁰⁶.

4) «Помяни, Господи, святых отцов наших и архиепископов от святого Иакова апостола и брата Господня и первого из архиепископов до Феофила и Никифора, Иоанна, Леонтия, православно архиепископствовавших во святом граде Бога нашего»¹⁰⁷.

Более того, из опубликованных Свайнсоном списков литургии апостола Иакова только в двух, Мессинском и Парижском № 476, имеется одна, предшествующая анафоре молитва: «Блаже и Человеколюбче Господи Боже наш, ради пришествия Единородного Сына Твоего и надежды освещения (η ελλαμψις) Всесвятого Духа Твоего, сподобивый меня, грешного и недостойного раба Твоего, предстати пред святым Твоим жертвенником (престол.— Н. У.) и принести и литургисать новые и чистые Тайны Твоего завета, сотвори со мною знамение во благо и сподоби мя в чистой совести служить Тебе все дни жизни моя» (возгласно:) «Любовь Бога и Отца и благодать Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и общение и дары Всесвятаго Духа да будут со всеми вами»¹⁰⁸.

В итоге критического издания текста литургии апостола Иакова Мерсье пришел к выводу, что большинство оригиналов, послуживших базисом для дальнейшего размножения манускриптов, было написано после 680 года, то есть после Шестого Вселенского Собора и предшествовали дате Седьмого (787)¹⁰⁹.

* * *

После смерти императора Константина Великого († 337) восточная часть империи досталась в удел его сыну Констанцию, а по смерти последнего († 361) — Юлиану, получившему в истории название «Отступника», так как этот император поставил целью своей деятельности реставрацию язычества. Его царствование было недолгим. По смерти его († 363) престол занял император Валент, который, будучи поражен на войне, был сожжен его противниками в 378 году. Итак, из троих императоров первый и последний были покровителями христианства, а Юлиан Отступник — реставратором язычества. В общей сложности их правление составило сорок лет. Биограф преподобного Евфимия Великого (377—473) Кирилл Скифопольский о ситуации, имевшей место в Палестине в это сорокалетие, писал: «Во времена тирана Юлиана и царствовавшего после него на Востоке Валента святые Церкви в продолжение почти сорока лет находились в скорби, защитники

православной веры были изгоняемы, ариане со времени Констанция производили насилия и ожидалось гонение православных»¹¹⁰.

Вторая смута возникла «в третий год царствования Анастасея (в 494 году). О ней Кирилл Скифопольский писал: «Церковь Божия разделалась на три части и находилась в беспорядке: ибо Римские архиереи были в несогласии с Византийскими за то, что эти внесли в церковные помянники имя Акакия, бывшего епископом Константинопольским (патриарх Константинопольский с 471 года по 489) и не последовавшего учению Римских. Византийские же епископы были в несогласии с Александрийскими за то, что они проклинали Халкидонский Собор и принимали в общение Диоскора, низложенного на этом Соборе. Итак, Илия (епископ Иерусалимский) был в общении только с одним Византийским епископом, поскольку Западные отделились от Восточных, а Палладий, епископ Антиохийский, в угоду императору проклинал определения Халкидонского Собора и соглашался с Александрийскими»¹¹¹.

Двадцатисемилетнее царствование Анастасия I Дикора (491—518) для Палестинской Церкви было далеко не спокойным. Император явно сочувствовал монофизитам и, вмешиваясь в церковные дела, сам создавал смуту. Так, в начале своего царствования он изгоняет епископа Константинопольского Евфимия «за то, что он соборно утвердил определения Халкидонские». Епископы Александрийский и Антиохийский согласились на низложение Евфимия, Илия Иерусалимский не согласился. Когда же император узнал, что поставленный им на место низложенного Евфимия Македоний оказался единомышленным с Илией и что к ним присоединился защитник Православия на Халкидонском Соборе Флавиан, тогда «император, отважный на дела, противные благочестию, так характеризует Анастасия Кирилл Скифопольский, не мог терпеть сего единения и старался послать их в заточение. Почему, приняв сперва разные ложные доносы на Македония, лишил его епископства и на место его поставил Тимофея (511—518), приказав Флавиану и Илию согласиться на это постановление. «Последние согласились на постановление Тимофея, поскольку он представил православное исповедание веры, но не согласились с императорским определением, которым Македоний был низложен с епископского престола. В ответ на это «император Анастасий, по необузданному гневу на Флавиана и Илию, дал указ, чтобы в Сидоне составился собор из восточных и палестинских епископов, а главными лицами на соборе повелел быть Сотриху, епископу Кесарии Каппадокийской, и Филоксену, епископу Иерапольскому, которые отвергали Халкидонские определения и защищали Евтихия и Диоскора и их ереси»¹¹².

Прибывшие на собор епископы Флавиан и Илия распустили этот собор, как неправославный. Сотрих и Филоксен подкупили антиохийцев, которые наносили Флавиану оскорбления, принуждая его проклясть Халкидонский Собор. Но когда эти попытки их оказались напрасными, Флавиан был низложен и сослан в заточение. Император, узнав об этом, «был рад и епископом в Антиохию назначил Севера... Север, получивши патриаршество, много зла сделал не принимавшим его ереси. Он послал свое исповедание веры к Архиепископу Илию, но так как последний не принял Севера в общение, то этим возбудил у императора гнев против себя. Вторичное обращение Севера к архиепископу Илию было послано с некоторыми служителями церкви и с

императорским войском». Преподобный Савва, узнав об этом, пришел в город с прочими игуменами палестинских монастырей и выгнал из города пришедших с исповеданием Севера¹¹³.

Множество монахов собралось около Голгофы и вместе с жителями города кричали: «Анафема Северу и его сообщникам». Все это видели и слышали присланные Анастасием солдаты и их военачальники. Архиепископ Илия всячески уклонялся принять Севера, а правитель ожидал объявления царской воли. Когда же взшел на амвон архиепископ Иоанн и с ним Феодосий, начальник всех киновийных монастырей, и Савва, начальник всех келлиотских монастырей, весь народ долго и громко кричал: «Прокляни еретиков и утверди собор». Все трое поднявшиеся на амвон единодушно проклинали Нестория, Евтихия, Севера и Сотириха, которому по указанию императора было поручено проведение в Сидоне собора с анафематствованием Халкидонских определений.

Когда слух о происшедшем в Иерусалиме дошел до императора, последний решил было сослать в заточение всех троих: архиепископа Иоанна, игумена Феодосия и игумена Савву. Когда же в Иерусалиме стало известно такое решение Анастасия, тогда подвижники благочестия Феодосий и Савва собрали монашествующих и по единодушному согласию написали и послали императору письмо, которое привожу ниже в выдержках. «Верховный над всеми Царь Бог и Владыка Иисус Христос, Единородный Сын Божий, вверил Боголюбивой Вашей державе скипетр царства над всеми людьми после Себя Самого для того, чтобы посредством Вашего благочестия даровать мир всем святейшим Своим Церквам и особенно матери Церкви, в которой явлено и совершено великое благочестия таинство и, с которой начиная, оно, как свет, возсияло во всех концах земли посредством Божественной и Евангельской проповеди... каким образом в Боголюбивые времена Вашего царствования произошло столь великое возмущение и волнение во святом граде Божиим Иерусалиме, и до такой чрезмерности увеличилось, что и мать всех Церквей и церковь святого Воскресения Бога и Спасителя нашего, бывшая прежде убежищем и защитой для всех тех, кои во всем мире терпят обиды и желают спасения, обратилась в мирское судебное место?... также служители церкви, принадлежащие к сему сословию и посвятившие себя монашеской жизни, пред глазами язычников, иудеев и самарян явно и насильственно изгоняются с самого святого Сиона и из церкви достопоклоняемого Воскресения; влекутся посреди города в срамные и нечистые места и принуждаются к принятию того, что противно вере, так что многие приходящие сюда для молитвы, вместо того, чтобы получить пользу и назидание, видят только соблазны и со стыдом возвращаются в свое отечество... каким образом по прошествии пятисот лет и более от пришествия Христова нас, жителей Иерусалима, снова учат вере? Отсюда ясно можно видеть, что ныне вводимое вновь учение, исправляющее прежнюю Христову веру, есть учение не истинного Христа, но Антихриста, который старается уничтожить единение и мир Божиих церквей и который уже все наполнил смятением и беспорядками... мы умоляем Ваше благочестие помиловать Сион, мать всех Церквей, которая служит защитой Вашей благочестивой власти, но которая между тем так бесчестно оскорбляется и опустошается. Благоволите повелеть, чтобы буря, угрожающая святому Божию граду, была остановлена: ибо если в учении о вере предложат нам или жизнь

или смерть, то для нас предпочтительнее смерть. Мы никаким образом, и ни по какой причине не сообщимся с врагами церкви Божией, не устрасимся их тщетных проклятий, но при помощи Божией будем твердо держать Апостольскую веру. В сей вере мы, жители сей Святой Земли, стоим и хвалимся надеждою славы Божией (Рим. 5, 2)... Ваше величество, благосклонно принявши сие письменное удостоверение и прошение от нашего всеобщего смирения, да благоволит повелеть, чтобы все непрестанные смятения и бедствия, под предлогом благочестия врагами истины ежедневно причинявшиеся сему святому Божному граду и святейшему нашему Архиепископу Иоанну, были прекращены. Да будет уверено Ваше величество пред Богом и пред избранными Ангелами (1 Тим. 5, 21), что мы никаким образом без законного и утвержденного правилами суда не войдем в соединение с упомянутыми отступниками от правоверия, никаким образом не согласимся ни на какое нововведение в вере и никогда не примем никакого лица из акефалитов, против нашей воли нам рукоположенного. Если же что-нибудь подобное и случится за наши грехи, то мы все пред Святою и Единосущною Троицею уверяем Ваше благочестие, что мы все охотно прольем кровь свою и что все Святые места огнем сожжены будут прежде, нежели то явится в сем Святом Граде Божием»¹¹⁴.

Кто же был Анастасий в прошлом? Кирилл Скифопольский, сообщая о том, что архиепископ Салустий перед своей кончиной «по прошению всего монашеского сословия поставил Феодосия и Савву архимандритами и начальниками всех монастырей около Святого Града, потому что сии святые мужи были пустынноики, не имели никакого имущества, украшены были и жизнью и словом и обилували Божественными дарами. Авва Феодосий сделался главным вождем и архимандритом всякого общежительного монастыря... А отец наш Савва был поставлен начальником и законодателем всех отшельников и всех, кои хотят жить в келлиях», — указывает причину, беспокоившую архиепископа Салустия.

До этого времени должность архимандрита всех монастырей проходил преподобный Пассарий Великий. После его кончины преемниками его были Елпидий и Илья, а по смерти их Лазарь, который «отделился от вселенского общения». По смерти же его правление принял некто Анастасий, тогда «между монахами началось некоторое беспорядок и несогласие. Монашеское сословие тогда находилось в беспорядочном состоянии, потому что Лазарь и Анастасий, бывшие один после другого архимандритами, уже отступили от строгости монашеской жизни и занимались земными заботами и мирскими выгодами»¹¹⁵.

«При смерти Зинона 11 апреля 491 г., — пишет профессор Г. Гельцер, — обнаружилась сила династического чувства. Избрание императора зависело от вдовствующей императрицы Ариадны, дочери Льва I, и она избрала императором и в то же время для себя мужем одного испытанного гражданского чиновника Анастасия, который незадолго перед тем чуть не стал антиохийским патриархом.

Правление Анастасия в церковном отношении более важно, чем в политическом... Так как Европа и особенно столица склонялись к халкидонскому вероисповеданию, то Анастасий в начале терпел православного патриарха Евфимия, и после низложения Евфимия в 496 году пре-

емник его, Македоний, хотя и подписал «Акт единения», но в остальном проявил себя решительным противником церковной политики императора. Из восточных провинций Египет был столь же решительно монофизитским, как Палестина с ее многочисленными монашескими колониями православной; в Сирии господствовала посредствующая партия Флавиана. «Акт единения» признавался повсюду государственным символом веры; только в интерпретации его сказались глубокие партийные несогласия: египтяне и крайние монофизиты заявили, что им отвергается Халкидонский Собор, в то время как в столице, напротив, путем толкования сделали вывод, что «Акт единения» принимает постановление Халкидонского Собора: посредствующая партия умно хранила молчание в щекотливом вопросе, но под давлением строгих монофизитов совершенно последовательно произнесла анафему, кроме Нестория, также другим главарям антиохийской школы, именно Диодору Тарскому и Феодору Мопсуестскому. Разгневанный император в 512 году созвал в Сидоне собор, который должен был дать прямой ответ. Но умные и умеренные руководители Флавиан Антиохийский и Илия Иерусалимский, к великому негодованию покровительствуемых марииньей фанатиков, воспрепятствовали принятию всяких крайних мер. Император мало-помалу состарился, устал и стал нетерпелив; ему надоели долгие переговоры с богословами, неподдающимися вразумлению, и он решительно бросился в объятия явных монофизитов. Анастасий порвал сознательно со своей прежней, полной такта политикой... Патриарх Македоний был замещен строгим монофизитом Тимофеем, который вступил не медля в общение с Церквами Востока. Флавиан Антиохийский, а вслед за ним и Илия Иерусалимский отправились в ссылку, и духовный глава монофизитов Север занял апостольскую кафедру в Антиохии. На соборе в г. Тире в 513 году торжественно был принят «Акт единения», а Халкидонский Собор был проклят... В столице еще после Сидонского собора 512 года дело дошло до ужасной революции, подвергшей опасности и самую корону; конечно, бунтовали только в защиту находящегося в опасности Православия. Дворцы Марина (главный советник императора, сирийский монофизит) и префекта Платона были разграблены и сожжены... В дунайских провинциях поднял в 514 году знамя восстания Виталиан, уроженец Мизии, человек грубый и честолюбивый. Православное учение было для него безразлично, но, принимая в свою программу защиту Халкидонского Собора, он мог быть уверен в симпатиях духовенства и народа европейской части империи. С громадным войском около 50 000 «гуннов» он двинулся в 514 году на столицу империи и так напугал Анастасия, что тот вступил в переговоры о мире и дал обещание созвать собор для воссоединения с западными странами. Едва Виталиан отступил, как против него послали полководца Кирилла, но последний был разбит. Страшное поражение понес и племянник Анастасия Ипатий; большая часть его войска была уничтожена, а сам он был взят в плен.

Стареющему императору духовенство непрерывно доставляло заботы. Монахи и отшельники, особенно сильные в Палестине, составляли под руководством св. Саввы большие собрания протеста против принятого в Константинополе придворного богословия, а в Александрии дошло даже до большого бунта, потому что в 517 году греческая городская аристократия поставила без согласия духовенства и народа нового патриарха Диоскора.

В 515 году умерла Ариадна, а 9 апреля 518 года — Анастасий. Если не принимать во внимание неудачных мер в последние годы его правления, то, кажется, все подавало хорошие надежды. Возбужденные умы стали вновь возвращаться к благоразумию. Но эти добрые виды на будущее разрушило пылкое честолюбие ограниченного, но страдавшего манией величия государя»¹¹⁶.

С воцарением императора Иустина (518 год), все сосланные в заточение были возвращены, ставленники Анастасия Тимофей Константинопольский и Север Антиохийский удалены, пресловутое «дворцовое богословие» и «Акт единения» отвергнуты и вновь подтверждены определениями четырех Вселенских Соборов. Преемник Иустина, его племянник Юстиниан I, отдавал силы благоустройству церковной жизни. Положение Церкви в империи стабилизировалось, и не было никаких чрезвычайных обстоятельств до царствования императора Ираклия (610—629).

В 614 году персидский царь Хозрой учинил жестокий погром Иерусалима. Иначе нельзя назвать эту военную акцию, стоившую большого количества человеческих жертв, разрушения храмов и священных мест. Много людей уведено было в плен, в том числе и патриарх Захария и унесено Древо Животворящего Креста Господня. Победа над персами завершилась торжественным возвращением в Иерусалим Креста Господня и плененного патриарха. Это было 14 сентября 629 года. В это же время с северо-востока двигались полчища арабов. В 634 году они взяли Бостру, в 635-м — Дамаск, и окружили Иерусалим. В 637 году город сдался арабам. Но и после этих печальных акций Святой город жил духовной жизнью. Александрийский патриарх Иоанн Милостивый (609—620) посылал в Иерусалим патриарху Модесту все необходимое для восстановления святынь: рабочих, железные крепления для церквей и хлеб. В житии этого святителя говорится: «Блаженный Иоанн отправил корабли с золотом и пшеницей для выкупа пленных и для оказания помощи находящимся в бедах»¹¹⁷.

Великую духовную силу в этих трудных условиях проявило монашество.

Начало палестинскому монашеству положил преподобный Харитон Исповедник. Его исповедничество относят к царствованию Аврелиана (270—275 гг.). Харитон был предстоятелем Иконийской Церкви и поэтому был подвергнут заключению. Скорая смерть императора помешала гонителю выполнить свой эдикт, и заключенные, в том числе и Харитон, были освобождены. Это было или в царствование Галерия-Максимина (311 г.), или Максимиана (312).

Выйдя из заключения, преподобный Харитон направился в Палестину. Место его пребывания здесь осталось неизвестным, но греческое слово (*η λαιρα*), соответствующее русскому — деревня, улица, где по обе стороны дороги стоят жилища, дает основание археологам считать, что преподобный Харитон поселился в горной и скалистой местности с немалым количеством пещер естественного происхождения. Полагают, что это был Фаран, впервые упоминаемый Кириллом Скифопольским в житии Евфимия Великого¹¹⁸.

Поселившись в Фаране, преподобный Харитон положил основание заселению пещер ищущим монашеской жизни. Пустыня начиналась за Вифанией и простиралась в северном направлении до Иерихона, на востоке — до Мертвого моря, а на западе захватывала окрестности

Вифлеема, Фекон и Хеврона, на юге сливалась с Аравийской пустыней¹¹⁹.

В эту же пустыню пришел Евфимий, о котором Кирилл пишет: «Великий отец наш Евфимий, наставляемый Святым Духом, пришел в Иерусалим на двадцать девятом году жизни (406 г.) и, поклонившись святому Кресту и святому Воскресению, и прочим честным местам, и посетив богоносных отцов в пустыне, узнав добродетель и житие каждого и запечатлев в своей душе, пришел в лавру Фаранскую, лежащую в шести поприщах от Святого Града, и, любя безмолвие, поселился в отшельнической келлии, вне лавры, не стяжав себе ничего от века сего»¹²⁰.

Все перечисленные места в сознании приходивших принять здесь монашеский постриг в IV веке получили общее название пустыни Святого Града. Центром всех перечисленных пещер был город, в котором находился Гроб Господень и Крест Его. Поэтому человек, ищущий пустынножизни, прежде всего шел в Иерусалим, чтобы там поклониться Кресту и Гробу Господню. Так делал Евфимий. Так поступил юноша Кириак, который, услышав в один из воскресных дней слова Евангелия: «Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возмет крест свой и по Мне грядет» (Мф. 16, 24), тотчас, выйдя из церкви и никому не сказав ничего, пришел в город Кенхрен¹²¹ и, взойдя на корабль, отправлявшийся в Палестину, прибыл в Иерусалим, на восемнадцатом году возраста... Придя во Святой город, он был принят Евсторгием, мужем святым и блистающим даром Святого Духа, уже устроившим монастырь близ Святого Града Сиона¹²². То же читаем в житии Феодосия, впоследствии киновиарха всех палестинских общежительных монастырей. «Он благочестиво возросши телом и духом воспитавшись в страхе Божиим... прекрасно задумал отправиться в Иерусалим, Святой Град Христа, с одной стороны, чтобы поклониться святым местам, в которых Творец всего и Господь наш Иисус Христос плотию претерпел спасительные и вольные страдания за род человеческий, с другой, чтобы посвятить себя пустынножительству»¹²³.

Нечто подобное читаем в житии преподобного Георгия Хозевита. Сын благочестивых и состоятельных родителей, имевший брата Ираклида, который при жизни родителей ушел из дома в Иерусалим и, помолвившись там, пошел в Иорданскую пустыню, в лавру Каталламонову, стал монахом. Младший брат — Георгий — после смерти родителей был взят дядей, который имел единственную дочь и хотел выдать ее замуж за Георгия. Когда последний узнал об этом, то убежал к другому своему дяде. Дядя отыскал его и требовал, чтобы второй дядя возвратил его ему. Юноша, узнав, из-за чего спорят дяди, убежал из дома и, «придя в Иерусалим и поклонившись Святым местам Христа Бога нашего», пошел к Иордану и, помолвившись там, пришел к своему брату в лавру Каталламона. Тот, «по заповедям святых отцов», не мог держать его в своей лавре, пока он не обрастет бородой, и привел его в обитель Пресвятой Богородицы, называемую Хузива, передал его игумену, а сам возвратился в свою келлию»¹²⁴.

В отличие от египетского и сирийского монашества с их тяготением к одиночеству, палестинские монахи первым шагом на пути к личному спасению ставили жизнь монаха в киновии или в лавре под руководством духовно опытного старца. Феодосий Киновиярх, начиная свою иноческую жизнь, говорил: «Для меня, доселе неопытного в иноческом

образе жизни, не безопасно наедине бороться с лукавыми духами. Посему остается мне сперва поучиться у святых отцов и затем уже наедине срывать плоды, произрастающие из безмолвия»¹²⁵.

Преподобный Савва, придавая большое значение духовному воспитанию молодого монаха, основал небольшую киновию с северной стороны лавры и, поставив в ней степенных и благоразумных мужей, приказывал отрекающимся от мира жить там, пока не изучат Псалтирь и правило псалмопения и пока не научатся строгости монашеской жизни. Ибо он всегда говорил, что «монах, живущий в келлии, должен быть рассудителен, старателен, готов ко всяким подвигам, трезв, воздержан, скромнен, способен других научать, а сам не должен иметь нужды в научении, способен обуздывать все телесные члены и ум свой сохранять в безопасности. Когда же по испытании он узнавал, что отрекающиеся от мира твердо изучили правило псалмопения и сделались способными бодрствовать над своим умом, очищать мысли свои от воспоминания о мирских вещах и сражаться против чуждых помыслов, тогда давал им келлии в лавре. Он говорил: «как цвет предваряет плод, так жизнь в киновии предваряет отшельническую»¹²⁶.

Киновии и лавры были своего рода школами, постриженники которых удостоивались возведения на епископское служение и даже на кафедру Иерусалимского патриарха. Так, патриарх Анастасий (458—478) был учеником аввы Пассариона, Мартирий (478—486) и Илия (494—517) — ученики преподобного Евфимия, Софроний (534—544) — монах лавры преподобного Саввы Освященного, автор «Луга духовного» Иоанн Мосх (550—619) — с 575 г. монах киновии Преподобного Феодосия.

Преподобный Савва построил семь монастырей: Великую лавру, которая являлась главной из всех палестинских лавр, Новую лавру, лавру Гептастом (так названную потому, что стояла при озере, имеющем семь устьев) и четыре киновии: Каstellий, Пещерную, Схолариеву и Заннову.

Кроме того, он поддерживал две древние киновии — своего наставника Евфимия и друга Феоктиста¹²⁷.

Он заботился не только о благоустройении монастырей, но и о пристанищах для паломников Святого Гроба. Когда патриарх Илия построил монастырь близ епископского дома для монахов спудеев, которые служили при храме Воскресения и жили разбросанно около Столпа Давидова, тогда и Савва купил часть келлий и сделал в них гостиницу для приходящих монахов, и еще две гостиницы — для Каstellии — одну в Иерусалиме и другую в Иерихоне¹²⁸.

Более того, когда после Халкидонского Собора несторианство, а затем евтихианство и монофизитство широко распространились в Палестине, и в самой лавре Саввы Освященного оказались явные и тайные распространители этих ересей, Преподобному пришлось вести борьбу с ними, удерживать в православии простецов в вере, таких, как преподобный Герасим, совершить два дальних путешествия в Константинополь, в первый раз на семьдесят третьем году жизни, к императору Анастасию, чтобы убедить его в православии Иерусалимского патриарха Илии, которого покровительствующий еретикам император решил было сослать в заточение и «покушался ниспровергнуть и привести в беспорядок все церковное установление в Палестине»¹²⁹. В другой раз он должен был совершить такое же путешествие на девяносто первом

году жизни в связи с погромом христианских храмов самарянами и учиненным ими при этом кровопролитии¹³⁰.

Когда в разговоре с Саввой император спросил его, в чем нуждаются его монастыри, Преподобный ответил: «Монахи, молящиеся о вашем благочестии, не имеют нужды в таковых выгодах, ибо их удел и приобретение есть Господь, одождивший в пустыне непокорному и прекословящему народу хлеб небесный» (Исх. 16, 4). Просьбы Саввы были не о своих монастырях. Преподобный просил императора освободить народ палестинский от податей, как пострадавший во время самарянского погрома, восстановить за счет государства разрушенные и сожженные самарянами церкви, построить во Святом Граде больницу для больных странников и недостроенную Архиепископом Илней церковь в честь Богородицы, соорудить в пустыне близ его монастырей крепость для отражения набегов сарацин. Император удовлетворил все просьбы Саввы, а больницу повелел заложить не на сто человек, как сказал сначала, а на двести, и установил большую сумму на полное ежегодное содержание ее. Кроме того, приказал военачальнику, чтобы в крепости всегда была военная стража, которая должна быть на содержании государства¹³¹.

Описание быта палестинского монашества в эпоху расцвета его подвижничества будет односторонним, если автор не коснется проведения монахами святой Четырдесятницы, тем более поскольку современный русский Типикон сохраняет в напоминание нам древнее установление: «Не прияхом бо творити преждеосвященныя, даже до среды, за еже поститися по преданию всему братству: могущин же да пребудут постящися до пятка»¹³².

Кирилл Скифопольский пишет: «Сей великий в добродетели подвижник и епископ Иоанн сказывал мне, что святой отец наш Савва во всем старался подражать жизни великого Евфимия. Итак, поелику сей имел обыкновение в четырнадцатый день месяца января удаляться в совершенную пустыню и там проводить Четырдесятницу, то и Савва, изменивши немного сие обыкновение, выходил из лавры по прошествии того дня, в который совершается память святого Антония, совершал память великого Евфимия, которая празднуется в двадцатый день, и после того уходил в совершенную пустыню. Там до праздника Ваий он удален был от всякого общения с людьми. И сие делал почти каждый год»¹³³.

Как проводили время монахи в пустыне, это видно из следующего эпизода. «Савва, будучи уже на тридцатом году жизни, превосходя всех старших его по летам в киновии пощением, бдением, незлобием, смирением и послушанием, просил авву Лонгина, чтобы он позволил ему жить в пещере, которая находилась вне киновии к югу в утесе. Авва Лонгин, видя его отличную добродетель, постоянство и чистоту нравов, ревность и усердие к молитве, донес о его желании великому Евфимию, и поелику сей сказал «не препятствуй ему подвизаться как он хочет», то Лонгин позволил Савве жить в пещере к югу по пяти дней в неделю. Отец наш Савва, получив желаемое позволение, провел пять лет следующим образом: в день воскресный к вечеру он выходил из киновии с таким количеством пальмовых ветвей, которое достаточно было для работы на неделю, оставался в пещере пять дней, не принимая никакой пищи, и в субботу поутру возвращался в киновию и приносил пятидневное рукоделие — пятьдесят сделанных корзинок¹³⁴.

О проведении святой Четырдесятницы в строгом посте говорится в житии Евфимия Великого. Евфимий вместе со старцем Феокистом «ежегодно удалялись после восьмого дня святых Богоявлений в пустыню Кутиλά, отлучив себя от всякого человеческого общения, желая молитвенно беседовать с Богом в уединении, и пребывали там до праздника Ваий». После кончины преподобного Феокиста (466 г.) Савва стал спутником преподобных Евфимия и Дометиана. Евфимий называл Савву отроком-старцем и «как искусный воспитатель детей руководствовал его к высшим добродетелям и упражнял в оных». В сей пустыне, будучи отделены от всякого общения с людьми, они оставались до праздника Ваий». В воскресные дни сюда приходили преподобный Герасим и другие отшельники, чтобы принять Святые Дары из рук Евфимия¹³⁵.

Когда скончался наставник Саввы Евфимий, Савва сам уже стал наставником других. Его учеником был Агапит. В житии Саввы говорится, что он «по своему обыкновению» удалился в пустыню с учеником Агапитом. Для него он взял десять кусков сухарей. Сам же «во все дни поста пребывал без пищи и довольствовался только причащением Святых Таин в субботу и в воскресенье. Десять же кусков хлеба, которые он взял в пустыню, удовлетворяли нужде Агапита»¹³⁶.

Режим жизни, время и содержание молитвы монаха, проводящего Четырдесятницу в пустыне, никем и ничем не регламентировались. «Скитяне,— писал современник Саввы авва Варсануфий,— не имеют ни часов, ни песней (библейских.— Н. У.), но рукоделие, размышление и краткую молитву. А стоя на молитве, должно молиться о том, чтобы избавиться и освободиться от ветхого человека. Читать же «Отче наш» и даже дважды и сесть за рукоделие. А сидя за рукоделием, следует изучать псалмы и в конце каждого псалма молиться: «Боже, помилуй меня, грешного». Если же тебя осаждают помыслы, тогда, размыслив, скажи: «Господи, Ты видишь скорбь мою, помоги мне». И когда ты сделаешь три ряда мережи¹³⁷, стань на колени и говори вышесказанную молитву. Вечером же должно петь двенадцать псалмов, и в конце каждого вместо славословия говорят Аллилуиа и одну молитву. Также и ночью читают двенадцать псалмов и после двенадцати псалмов садятся за рукоделие, а кто хочет изучает, и кто хочет проверяет свои помыслы и жития святых читает и, прочитав от пяти до восьми листов, опять принимается за рукоделие»¹³⁸.

В глубокой Палестине, вблизи Мертвого моря, где рыболовства не было, не требовалось и плетения сетей. Здесь спрос был на корзины, поэтому, как мы видели, преподобный Савва уходил в воскресенье вечером из лавры «с таким количеством пальмовых ветвей, которое достаточно было для работы на неделю», и «в субботу поутру возвращался в кинвию и приносил пятидневное рукоделие — пятьдесят сделанных корзин». В период Четырдесятницы делали также из пальмовых ветвей крестики, которые пользовались большим спросом у приходивших на Святые места паломников. Все это сдавалось эконому монастыря, и вырученные от продажи деньги поступали на питание и прочие нужды братии.

Там, где не было священника, совершали самопричащение. Так, преподобный Савва, построив на берегу озера Семиустного небольшую лавру, посылал братьям, находящимся в ней, «Святые Дары и благословенные хлебы»¹³⁹.

Профессор А. А. Дмитриевский открыл в рукописи Синайской библии № 863 Орологнон-Часослов лавры преподобного Саввы Освященного, датируемый IX веком. Как видно из содержания Орологнона, он предназначался для келейного пользования монахами лавры преподобного Саввы. Судя по расположению в Орологноне часовых служб, причащение совершалось после службы девятого часа. Это подтверждается и надписанием молитв εις την μεταληψιν, то есть — для причащения. Чин состоял из следующих молитвословий: «Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем. Блажени нищии духом... Блажени плачущии... Блажени кротции... Блажени алчущии... Блажени изгнани... Блажени, егда поносят вы... Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех» (Мф. 5, 3—12). Слава... Помяни нас, Святе, егда приидеши... Лик небесный поет Тя и глаголет: Свят, Свят, Свят еси, Господи, исполнь небо и земля славы Твоея. Приступите к Нему и просветитесь, и лица ваша не постыдятся (Пс. 33, 6). Лик небесный... Слава... Верую... Отче наш... Господи, помилуй (трижды). Един Свят... Вкусите и видите, яко благ Господь (Пс. 33, 9), Аллилуиа. Благословлю Господа на всякое время, выну хвала во устех монахов (Пс. 32, 2). О Господе похвалится душа моя, да услышат кротции и возвеселятся (Пс. 33, 3). Слава...»

Далее следовала молитва по причащении (ευχη μετα την μεταληψιν) «Приях Тело Твое святое и Кровь Твою честную во оставление всех, яже согрших Тебе, едине Человеколюбче. Исполни уста моя хваления, Господи (Пс. 70, 8). Сам бо еси хвала моя, и спаси мя».

И молитва благодарственная (Ευχη μεταληψεως) «Благодарим Тя, Господи Боже наш, яко сподобил еси нас причаститися пречистых Твоих Таин во оставление и очищение прегрешений наших; сподоби нас восприяти милости Твоя со всеми святыми Твоими во веки веков»¹⁴⁰.

Заметим, что хотя Орологнон относится к IX веку и в изложенных в нем чинопоследованиях встречается тропари, вид гимнографии, появившийся на рубеже VI—VII столетий, чин «Для причащения» не имеет ни одного тропаря, что согласуется с описанием самопричащения преподобной Марии. Когда старец Зосима принес ей святое причастие, она попросила старца прочитать Символ веры и «Отче наш». После этого она поцеловала старца и причастилась. Затем подняла руки к небу, вздохнула, прослезилась и сказала: «Ныне отпускаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое». Это было вечером в Великий четверг, 1 апреля 532 года¹⁴¹.

Типикон, которым в течение ряда столетий руководствуется Русская Православная Церковь, начинается надписанием: «Типикон, сиречь изображение церковного последования во Иерусалиме святыя лавры преподобного и богоносного отца нашего Саввы. Тоже последование бывает и в прочих во Иерусалиме честных обителех: подобне и в прочих святых Божиих церквах»¹⁴². В службе «В Неделю Сырную вечера» после трех поклонов с молитвой Ефрема Сирина дано указание: «И целуем святыя и честныя иконы». Второе указание такого же характера встречается в службе «В понеделник первыя седмицы». По отпусте первого часа, сказано: «По отпущении же исходяще из церкви, идем со всяким безмолвием в келлии своя, или на службу: и не подобает нам беседы творити друг со другом на монастыре, в пути, удержано бо сие от святых отец». Оба указания у читающего их внимательно могут вызывать вопрос — почему указание относи-

тельно целования святых икон помещено только в данной службе? Известно, что во многих храмах богомольцы по окончании вечернего богослужения целуют многие иконы. Также непонятно, почему устав указывает в понедельник выходить из церкви «со всяким безмолвием», то есть с абсолютным молчанием, и, идучи в келлию или на работу, не разговаривать друг с другом.

Оба указания относятся к Четырдесятнице, и потому они оказались «вкрапленными» в киноварный текст богослужений. Во всей житийной палестинской письменности днем возвращения отшельников в свои монастыри указывается суббота Ваий, или, что то же, Лазарева. В пятницу недели Ваий первая стихира на «Господи, воззвах» начинается словами: «Душеполезную совершивше Четырдесятницу...». Этими же словами начинается стихира, следующая за славником на «Господи, воззвах».

Что же касается начала периода Четырдесятницы, то эта дата подвергалась перестановке. Самая ранняя дата встречается в житии преподобного Евфимия. Евфимий, будучи пресвитером Мелитинской церкви (Мелитина — главный город Второй Армении), «во дни святых Четырдесятницы удалялся в гору близ города... Эту пустыню он любил (?) от дня святых Богоявлений до праздника Пасхи, подражая любомудрию Илии и Иоанна»¹⁴³. Но находя, что забота о тамошних монахах и их устройении может послужить препятствием к добродетели, Евфимий бежал в Иерусалим. Его биограф Кирилл Скифопольский сообщает, что Евфимий «имел обыкновение в четырнадцатый день января месяца удаляться в совершенную пустыню и там проводить Четырдесятницу»¹⁴⁴, но Савва после кончины своего учителя Евфимия изменил немного этот обычай и стал выходить в пустыню после двадцатого числа, совершив память великого Евфимия¹⁴⁵. Не исключена возможность, что позднее, в целях упорядочения пустынночества, был установлен единый день для желающих безмолвствовать, и первым днем отшельнического безмолвования был понедельник 1-й седмицы поста. Заметим, что авва Лонгин позволил Савве жить в пещере пять дней в неделю и Савва выходил из киновии в воскресенье вечером и возвращался в субботу утром. Видимо, уже в этом намечалась традиционность. Она уже закреплена в житии преподобного Саввы, и слова Типикона «удержано бо сие от святых отец» только подтверждали этот факт.

Возвращаясь в монастыри и неся свое рукоделие — корзины и крестики, они пели «Днесь благодать Святаго Духа нас собра, и вси, взявше крест Твой, глаголем: благословен Грядый во имя Господне, осанна в вышних». Это был гимн победы над грехом и источником его — диаволом.

Так понимал значение этого краткого гимна преподобный Феодор Студит. Когда разразилось в империи гонение на иконопочитателей, он ввел пение этой стихир на вечерне недели Ваий и для большей значительности делал это таким образом. После пения «Блажен муж» хоры менялись местами. Правый переходил на левый клирос, а левый — на правый. И правый, будучи на левом клиросе, начинал «Господи, воззвах» и с пением переходил на свое место, то есть на правый клирос, а певцы левого с правого клироса шли на левый. Перестановка хоров с пением «Господи, воззвах» и стихир усиливала выразительное значение обряда. Этот обычай студийцев был закреплён в их уставе,

и в одном из списков его, хранящемся в Государств. Историческом музее (шифр Син. № 330—380), XI—нач. XII века читаем: «В субботу цветную на вечерни по отпетии «Блажен муж» прменяется стороне: левая убо преходит на десную, а десная на левую и починает левая сторона «Господи, воззвах», якоже и в ины субботы»¹⁴⁶.

Заамвонная молитва, читаемая на литургии Преждеосвященных Даров, «Владыко Вседержителю, иже всю тварь премудростию соделавай...» возникла тоже в кругах палестинского монашества. Испрашиваемая в ней у Бога помощь «подвигом добрым подвизатися, течение поста совершити» ассоциируется с подвигом пятидневного поста без какого-либо вкушения пищи, а прошение «веру нераздельну соблюсти» говорит о той борьбе, которую приходилось преподобному Савве и другим аввам вести против несториан, евтихиан и монофизитов, своей еретической пропагандой пытавшихся разрушить тот оплот Православия, который представляла собой пустыня Святого Града. Этот подвиг был равносителен поражению «глав невидимых змиев и победе над грехом». Вершиной желаний отшельников было «неосужденно достигнути поклонитися и святому Воскресению». Это желание их исполнилось в Великую пятницу на Голгофе.

Автор писал об Иерусалимском богослужении (см. «Богословские труды», сб. 23, с. 9): «Отличительной чертой Иерусалимского богослужения была его стациональность, вызванная вековой традицией посещения в праздники тех или иных Святых мест». Среди этих святынь чаще всего упоминаются Краниево место и Голгофа. Рукопись Иерусалимской патриаршей библи. № 1043 первой половины X века уточняет расположение этих Святых мест: «И тотчас лития на святое Краниево... и восходит патриарх на святую Голгофу для каждения... и ожидает протопоп со всем клиром... и тотчас спускается патриарх»¹⁴⁷.

Только в Великую пятницу Голгофа предоставлялась монахам, проводившим святую Четыредесятницу в строгом посте. Они поднимались сюда и совершали часы Великого пятка — творение святого Софрония, патриарха Иерусалимского, тихим гласом; патриарх же со своим клиром стоял вне Краниева места и совершал те же часы.

Это отступление от традиции было богословски глубоко осмысленным. Чтобы находиться на Голгофе в те часы, когда страдал и отдал свой дух Богу Отцу Господь Иисус Христос, нужно было «сораспяться Христу» и, как говорил апостол Павел, «и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 19—20). Такими были и палестинские монахи — защитники веры православной и хранители традиций древнего монашества. Это их духовное право было закреплено в том же святогробском Типиконе (р.кп. Иерусал. патр. б-ки № 1043, первой половины X века, с. Аналекта, В, сѣл. 12). Здесь читаем: «С Богом последование часов и тропарей. Творение Софрония, Патриарха Иерусалимского, старшего и философа».

«Это должно быть так. Пусть собираются монахи святого Саввы и Харитона и святого Феодосия и прочих монастырей и поднимаются на Святую Голгофу и поют тихим голосом. Патриарх же и прочий клир внизу перед святым Краниевым, чтобы мы пели то же»¹⁴⁸.

Середина XIII столетия была временем постепенного пробуждения русского национального самосознания. Оно проявилось в победах, одержанных Владимирским князем Александром Ярославичем в 1240 году над шведами при впадении реки Ижоры в Неву (отсюда название

самого князя Невским); через два года — вторая победа — над немецкими рыцарями-меченосцами на льду Чудского озера (5 апреля 1242 г.) и через три года — над литовскими племенами, вторгшимися в Новгородские владения. Эти три победы на долгое время оградили русские северо-западные владения от охотников интервенций.

Новая великая победа, превосходившая все три упомянутые, совершилась 8 сентября 1380 года на Дону над татарами, откуда сам победитель князь Димитрий Иванович вошел в историю как Димитрий Донской. Летом 1380 года Московскому князю Димитрию Ивановичу стало известно, что Мамай перевел свою большую рать через Волгу и кочует в устье реки Воронеж. Князь стал немедленно собирать войска «подручных» князей, то есть ближайших княжеств: ростовского, ярославского, белозерского. Рязанский князь Олег уклонился от участия в походе и поспешил войти в переговоры с Мамаем и Ягайлом Литовским. Новгородцы заняли выжидательную позицию.

Димитрий назначил всем полкам явиться в Коломну 15 августа, сам же поехал за благословением к Преподобному Сергию Радонежскому. Сергей благословил его и обещал ему победу, хотя связанную с сильным кровопролитием. Он дал князю двоих монахов-богатырей, при этом сверх их монашеской одежды надел на них одежды схимников. Кроме «подручных» полков, историки упоминают еще Коломенский, Владимирский, Костромской и Переяславский полки с их командирами и еще двоих князей Олгердовичей — Андрея и Димитрия.

20 августа князь выступил из Коломны, имея войско численностью 150 000 человек. На Оке к его войскам присоединились двоюродный брат его Владимир Андреевич и большой московский воевода Тимофей Васильевич Вельяминов с их полками. Димитрий приказал всем войскам переправляться через Оку, а на другой день (то был понедельник) переправился и сам «с двором своим». 6 сентября войска вышли к Дону. Тут пришла грамота от Преподобного Сергия, в которой он еще раз подкреплял свое благословение идти на татар: «Чтоб еси, господине, таки пошел, а поможет ти Бог и Святая Богородица». Смысл этих слов Преподобного Сергия становится ясным из следующего эпизода. Когда великий князь стал строить боевую расстановку полков, одни ему говорили: «Ступай, князь, за Дон», другие же: «Не ходи, потому что врагов много, не одни татары, но и Литва и рязанцы». Известно, что противоречащие советы не располагают человека к решительным действиям, напротив, они могут вызвать у него решение, которое противоречило бы его планам. Такое состояние мог в данный момент испытывать и Димитрий Иванович, и слова письма Преподобного Сергия «Чтобы ты, господин, так и пошел, а поможет тебе Бог и Святая Богородица» укрепили его веру в помощь Божию, и он «велел настлать мосты и искать броду».

В ночь на 7 сентября русское войско начало переправу через Дон. Утром 8 (а это было воскресенье и праздник Рождества Богородицы), когда рассеялся ночной туман, русские полки построились по-боевому. Около 12 часов татары стали спускаться с холма на Куликово поле. Русские сторожевые полки начали битву, какой «еще никогда не было прежде на Руси». Кровь лилась, как вода, на пространстве десяти верст, лошади не могли ступать по трупам, ратники гибли под конскими копытами, задыхались от тесноты. Пешая русская рать уже лежала, как скошенное сено, и татары начали одолевать. Но великий князь

Димитрий предусмотрел возможность такой неблагоприятной ситуации и поставил в засаду полки своего двоюродного брата князя Владимира Андреевича и московского воеводы Димитрия Михайловича Волынского-Боброка. Князь Владимир, находясь в засаде и видя, что татары одолевают русских воинов, выразил сомнение в целесообразности дальнейшей засады, но Волынский ему сказал, что выходить из засады нельзя, потому что ветер дует русским прямо в лицо.

Через некоторое время ветер изменил свое направление, и воевода сказал: «Теперь можно», и засадное ополчение бросилось на татар. Наблюдавший за боем Мамай, видя, что его рать бежит, сам покинул поле сражения. Русские гнали татар до реки Мечи и овладели всем их вооружением. После боя великий князь Димитрий Иванович был найден лежащим под кустом в бессознательном состоянии. Его панцирь был весь избит, но смертоносных ранений не было. Придя в сознание, он с трудом распознавал, кто с ним говорит и о чем говорит¹⁴⁹.

Победа великого князя Димитрия Ивановича над Мамаем — это еще не уничтожение татарского ига. Ее великое значение было в том, что она уничтожила призрак татарской непобедимости. Это, во-первых. Во-вторых, славная победа показала, что благоденствие народа невозможно без национального объединения его.

Татарские набеги и многовековое иго принесли много зла русскому народу, задержали его культурное развитие сравнительно с другими европейскими народами, и море слез было пролито, когда на глазах родственников происходило убийство близких им людей или угон в плен молодых женщин и девушек. Но не меньшим, а, пожалуй, большим злом для нации была так называемая система княжеских «уделов».

Равноапостольный князь Владимир, умирая, распределил все города Киевского государства и прилегающие к ним земли между шестью своими сыновьями. Старшему сыну Святополку он дал в наследство стольный город Киев. Прочим сыновьям — другие города. Но Святополк, чтобы, подобно своему отцу, быть единодержавным, убил троих братьев: Бориса, Глеба и Святослава. Первые два были еще юноши и до последних часов своей жизни не понимали, что замышляет в отношении их старший брат. Следующий за Святополком сын Ярослав, получивший в удел Новгород, избежал смерти от руки старшего брата и пошел на него войной, и, хотя Святополку помогал его тесть польский король Болеслав, Ярослав победил Святополка. Последний бежал из Киева и погиб где-то в изгнании. Тогда началась война между Ярославом и последним братом Мстиславом, получившим в удел город Тмутаракань. Дело обошлось без кровопролития. Братья разделили удел Святополка и уделы убитых им братьев. Ярослав получил все города и земли, расположенные к западу от Днепра, а Чернигов и все города и земли к востоку от Днепра получил Мстислав. Со смертью последнего установилось единовластие (1034 г.).

Ярослав, получивший у народа название Мудрого, разработал новую систему престолонаследия. Он, как и все прочие князья, исходил из того положения, что Русская земля принадлежала всему княжескому роду. Киевский престол принадлежал брату, старшему в роде, после же его смерти он должен перейти ко второму брату и так, последовательно, третьему, четвертому и т. д. Такая система исключала братоубийство, но она не удовлетворяла всех княжичей, потому что в

случае смерти великого (Киевского) князя его сыновья уже не получали Киевского престола, но им все же давался какой-то удел. Сироты же князей, не достигших Киевского престола, назывались «изгоями», то есть они лишены были права на получение удела вообще. Система уделов, установленная Ярославом, была к тому же громоздкой, потому что со смертью Киевского князя все князья должны были перемещаться, а при наличии многих умирающих перемещения могли быть многократными, что неизбежно вызывало путаницу и споры за первенство престолонаследства.

В 1240 году хан Батый разрушил Киев, ограбил то, что не сгорело, и стольный город потерял всякое значение. Утратила значение и выработанная Ярославом система распределения уделов. В Суздальской Руси хан утверждал только Владимирского князя, и только последний получал ярлык на княжение. Соответственно и родовое наследование распространялось только на земли, принадлежащие Владимирскому князю. Если между наследниками возникали споры, в таком случае хан сам решал вопрос.

Что же касается других русских городов и земель, то они оставались в семейной собственности. Глава каждой семьи имел право распределить свое движимое и недвижимое имущество отдельным лицам или всем родственникам, включая свою жену, как будущую вдову, «по грамоте душевной» (т. е. по духовному завещанию.— *Н. У.*) до ее смерти.

Время шло, и претендентов на получение наследства становилось все больше и больше. Претендовали не только братья, сестры, дети, но и внуки и правнуки. Вотчин же становилось меньше и меньше, и площадь их уменьшалась и уменьшалась.

Проф. С. Платонов дает последствиям системы уделов следующую характеристику: «В многолюдном княжеском роде чувство родства притуплялось от частых ссор и усобиц; поэтому посягнуть на имущество соседнего князя считалось дозволительным. В погоне за «примыслами» у князей все более и более крепло взаимное отчуждение и развилось открытое хищничество. Они стали смотреть друг на друга, как на постоянных соперников и врагов, и старались при первом удобном случае овладеть у соседей плохо защищенным городом, селом, челядью. Всякое такое приобретение составляло желанный «примысел».

В результате подобная политика повела к одичанию людей и разложению политического порядка»¹⁵⁰.

В северо-восточной Руси наступила политическая неурядица, в которой господствовало одно право сильного. Выход из такого печального состояния обозначился лишь тогда, когда в Суздальской Руси началось народное движение в пользу объединения и нашлась сильная княжеская семья (в Москве), которая сумела воспользоваться этим движением.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Св. *Иустин* мученик. Апология I-я, 65. П. гр. 6, 428.

² Св. Ипполит Римский. *B. Botte. La Tradition Apostolique de S. Hippolyte. Essai de reconstruction, Münster, 1963.* Священник Петр *Бубуруз*. «Апостольское предание» св. Ипполита Римского. Перевод с латинского и предисловие. Богосл. тр., сб. 5, изд. Моск. Патриархии, М., 1970, с. 281.

³ Там же, гл. 17. ⁴ Там же, гл. 4. ⁵ Там же. ⁶ Там же, гл. 21. ⁷ Там же.

⁸ *Тертуллиан. De oratione, 19. Corpus scriptorum Ecclesiasticorum latinorum, 20, 191.*

⁹ Его же. Письмо к Скапуле 4, *Творения*, ч. 1. Киев, 1910, с. 224.

¹⁰ Единственным источником монах сведений о карфагенских мучениках служит труд *A. Robinson. The Passion of S. Perpetua. Textes and studies contribution to Biblical and Patristic Literature, Cambridge, 1891.*

В последнем указано пять человек оглашаемых, заключенных в тюрьму: Ревокат и его жена Фелицитата, Сатурнин и Секунд, и двадцатидвухлетняя вдова Перпетуя. Квастен же считает шесть человек. Шестым он называет брата Перпетуи Сатура. У А. Робинсона в четвертой главе «Страдания» уже приведен разговор Сатура с Перпетуей, в котором Сатур просит сестру помолиться Богу, чтобы Он открыл ей дальнейшую судьбу ее. Затем приводится сон Перпетуи, из которого сестра и брат узнают, что им предстоит мученическая кончина. В последующем тексте «Страдания» Сатур — действующая личность, и в конечном счете мученик. Пишущий эти строки не ставит своей целью разрешить это очевидное противоречие прежде всего потому, что ему недоступно новейшее издание «Страдания» Шевринга. *W. H. Shewring. The Passion of S. S. Perpetua and Felicity. New edition and translation of the Latin text, together with Sermon of St. Augustine upon these saints, London, 1931,* для ответа же на интересующие его литургические вопросы, кажется, достаточно сведений, имеющих в издании А. Робинсона. Из этого труда мы будем пользоваться латинским текстом, в отдельных же случаях, требующих уточнения, будем делать сноски на Патрологию Ж. Квастена, т. 1.

¹¹ *Ж. Квастен*, стр. 181.

¹² *А. Робинзон*, гл. 10, стр. 78.

¹³ Там же, гл. 12, стр. 80.

¹⁴ *Ж. Квастен*, стр. 181.

¹⁵ Там же, стр. 182.

¹⁶ Там же, стр. 181.

¹⁷ *А. Робинзон*, гл. 20, стр. 90.

¹⁸ Там же, гл. 19, стр. 74.

¹⁹ Там же, гл. 20, стр. 92.

²⁰ Там же, гл. 21, стр. 92.

²¹ Там же. ²² Там же, гл. 3, стр. 64.

²³ Дракон, греч. *δράκων, драκοντος* — производное от глагола *δρακω*, буд. 2 — *δρακω*, буквально — зорко смотрящий, поражающий взглядом. Термин взят из зоологии пресмыкающихся, напр. удавов, которые гипнотизируют животных, и те под влиянием гипноза сами лезут им в пасть. В христианской письменности так называется диавол, который внушает греховные мысли людям, и последние под действием диавольского внушения впадают в грех (см. грехопадение Евы — Быт. 3, 1—7; Иуды — Лк. 22, 1—6).

²⁴ *А. Робинзон*, гл. 4, стр. 66 и 68.

²⁵ В Евангелии много раз упоминаются духи нечистые (Мф. 10, 1; Мк. 1, 27; 3, 11; 5, 13; 9, 25; Лк. 4, 33; Деян. 8, 7), что нашло отражение в церковной живописи. Ангелы Божии изображаются в белых одеждах, с нимбом над головой. Нечистые духи — с черным телом, с рогами. Наглядное представление о тех и других складывалось на основе сведений о народах белой и черной расы. Отсюда в житийной литературе возникло название нечистых духов эфиопами. Такого же происхождения и название в «Страдании мученицы Перпетуи» диавола египтянином.

²⁶ *А. Робинзон*, там же, гл. 10, стр. 74, 76 и 78.

²⁷ Санвивариум — производное от лат. *sanus* — здоровый и *vivus* — живой. В греческом тексте ему соответствует *ζωτικη* — прилагательное от слова *η ζωη* = жизнь, что соответствует в русском ряду выразительных слов: животворящий, оживляющий, наделяющий жизнью, полный жизни. Название символическое, имеет в виду жизнь вечную.

²⁸ *А. Робинзон*, гл. 12, стр. 80.

²⁹ Там же, гл. 21, стр. 94.

³⁰ Там же, стр. 92.

³¹ *Иоанн Златоуст. Беседа 78-я на Евангелие Иоанна Богослова. Творения... Изд. 2-е, СПб. дух. акад., 1914, т. 8, с. 525—527.*

- ³² Его же. Беседа 4-я «О Непостижимом». Творения... изд. 2-е. СПб. дух. акад., 1898, т. I, с. 531—532.
- ³³ *J. Swainson*. The Greek Liturgies, London, 1884, с. 244, примечание 1.
- ³⁴ Апостольское предание, гл. 21.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *А. Робинзон*. Цит. труд, гл. 4, стр. 66.
- ³⁷ Там же, гл. 13, стр. 82.
- ³⁸ Апостольское предание, гл. 42.
- ³⁹ *J. Quasten*. Цит. труд, II, 181.
- ⁴⁰ Там же, стр. 186.
- ⁴¹ Апостольское предание, гл. 21.
- ⁴² Книга правил святых апостолов, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. М., 1914.
- ⁴³ *И. Д. Андреев*. Пособие по истории Церкви. Петроград, 1914, Издание студенческого издательства при Историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета, с. 484.
- ⁴⁴ Там же, стр. 485.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ О строителстве храмов императором Константином на Святых местах см. «Жизнь Константина», Минь, П. гр., т. 20, гл. 3, 29, 33, 34, 35, 36, 37 и 41. Русский перевод частично: «Христианское чтение» за 1823, 32, 38, 40, 41, 48 и 49 гг. Проф. *Н. Кондаков* — «Православная богословская энциклопедия», т. 6, 1905, с. 510 и далее.
- ⁴⁸ *Ф. В. Фаррар*. Жизнь и труды отцов и учителей Церкви. СПб., 1891, стр. 425.
- ⁴⁹ Там же, стр. 421.
- ⁵⁰ *Иоанн Златоуст*. Толкование на Евангелие Матфея. Беседа 73-я. Творения... Изд. 2-е, СПб. дух. акад., 1911, т. 7, с. 740—741.
- ⁵¹ Его же. Беседа 2-я на 2-е послание к Коринфянам. Изд. СПб. дух. акад., 1904, т. 10, с. 479.
- ⁵² Его же, Беседа 3-я на послание к Колоссянам. Изд. СПб. дух. акад., 1905, т. 11, с. 384.
- ⁵³ *Ж. Квастен*. Патрология, II, с. 184.
- ⁵⁴ Там же, с. 180.
- ⁵⁵ Там же, с. 181.
- ⁵⁶ Сирская дидаскалия, гл. XII.
- ⁵⁷ Постановления апостольские, VII, 25 и 26.
- ⁵⁸ Testamentum Domini nostri Jesu Christi, I, 23.
- ⁵⁹ Постановления апостольские, VIII, 12.
- ⁶⁰ *L. Voüger*. Eucharist. London. 1968, p. 244—268.
- ⁶¹ *А. Дмитриевский*. Евхологон Серапиона, епископа Тмутского.
- ⁶² *Л. Буйэ*. Цит. труд, с. 290—304.
- ⁶³ Постановления апостольские, VIII, 34—37.
- ⁶⁴ Там же, 38—39.
- ⁶⁵ Там же, 41.
- ⁶⁶ Там же, 42.
- ⁶⁷ Там же, 44.
- ⁶⁸ Там же, II, 54.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же, 57.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же, VIII, 11.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Прот. *К. Кекелидзе*. Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение. Тифлис, 1908, с. 32.
- ⁷⁵ *М. Сабини*. Полное жизнеописание святых Грузинской Церкви, ч. III, с. 119, пр. 19, СПб., 1873.
- ⁷⁶ Прот. *К. Кекелидзе*. Цит. труд, с. 2, пр. 1.
- ⁷⁷ *А. Хаханов*. Очерки по истории грузинской словесности, вып. II, с. 20. Москва, 1897.
- ⁷⁸ Прот. *К. Кекелидзе*. Цит. труд, с. 3, пр. 4.
- ⁷⁹ Там же, с. 5.
- ⁸⁰ Там же, с. 6.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же, с. 11.
- ⁸³ Там же.

- ⁸⁴ *G. Swainson. The Greek Liturgies. London, 1884, p. 250.*
- ⁸⁵ Прот. А. Петровский. Апостольские литургии Восточной Церкви. СПб., 1897. Приложение 1-е, стр. 11, примечание.
- ⁸⁶ Там же, приложение 1-е, стр. 10, пр. 10.
- ⁸⁷ Там же, приложение 1-е, с. 10, прошение 4 (в тексте).
- ⁸⁸ *Свайнсон. Цит. соч., с. 294.*
- ⁸⁹ Там же, с. 294—296 и примечание на с. 297.
- ⁹⁰ Там же, с. 248.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Там же, с. 280.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же, с. 282.
- ⁹⁶ Там же, с. 294.
- ⁹⁷ Там же, с. 294—296.
- ⁹⁸ Там же, с. 295, примечание.
- ⁹⁹ Там же, с. 297.
- ¹⁰⁰ *Hans Georg Beck. Kirche und theologische Literatur in Byzantinischen Reich. München, 1959, с. 581.*
- ¹⁰¹ *Abbat Mersier. La Liturgie de Saint Jacques. Edition critique du texte grec avec traduction latine, без даты, с. 136 (22).*
- ¹⁰² *Аббат Мерсье. Цит. труд, с. 23.*
- ¹⁰³ *Свайнсон. Цит. соч., с. 281.*
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 283.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 285.
- ¹⁰⁷ Там же, с. 295.
- ¹⁰⁸ Там же, с. 264 и 265.
- ¹⁰⁹ *Аббат Мерсье. Цит. труд, с. 22.*
- ¹¹⁰ Палестинский патерик, в. 2. СПб., 1898, гл. 5.
- ¹¹¹ Палестинский патерик, в. 1. СПб., 1885, гл. 50.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Там же, гл. 56.
- ¹¹⁴ Там же, гл. 57.
- ¹¹⁵ Там же, гл. 30.
- ¹¹⁶ *Гельцер. Очерк политической истории Византии. Очерки по истории Византии под редакцией и с предисловием В. Н. Бенешевича, вып. 1. СПб., 1912, стр. 19—30.*
- ¹¹⁷ Житие иже во святых отца нашего Иоанна Милостивого. Четвы Минеи, ноябрь, 12-е число.
- ¹¹⁸ *Олтаржевский Феодосий. Палестинское монашество с IV до VI века, б/д. с. 27.*
- ¹¹⁹ Там же, с. 51.
- ¹²⁰ Палестинский патерик, вып. 2, гл. 12.
- ¹²¹ Кенхрей — город на Коринфском полуострове. Упоминается в послании апостола Павла к Римлянам 16, 1.
- ¹²² Палестинский патерик, вып. 7, гл. 3 и 4.
- ¹²³ Палестинский патерик, вып. 8, гл. 4.
- ¹²⁴ Палестинский патерик, вып. 9, гл. 3.
- ¹²⁵ Палестинский патерик, вып. 8, гл. 6.
- ¹²⁶ Палестинский патерик, вып. 1, гл. 28.
- ¹²⁷ Там же, гл. 58.
- ¹²⁸ Там же, гл. 31.
- ¹²⁹ Там же, гл. 50 и 51.
- ¹³⁰ Там же, гл. 70 и 72.
- ¹³¹ Там же, гл. 73.
- ¹³² Типикон. См. «Начало Святого и Великого Поста», зри 6-е.
- ¹³³ Палестинский патерик, вып. 1, гл. 22.
- ¹³⁴ Там же, гл. 10.
- ¹³⁵ Палестинский патерик, вып. 2, гл. 48.
- ¹³⁶ Палестинский патерик, вып. 1, гл. 23 и 24.
- ¹³⁷ Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. СПб., 1905, с. 57—58. Ответ на вопрос 74.
- ¹³⁸ Отсюда самый праздник получил название недели Ваней и само это слово получило освящение в молитвах церковных. В молитве, читаемой над ванями и ветвями патриархом, говорится: «Благословен Грядый во имя Господие, знаменательно являя настоящее и будущее, ибо жребием прообразует новый народ, одежды же постилае-

мы суть разрешаемыя беззакония. Посему и мы, Христе Боже наш, взявши ветви, взываем Тебе: благословен Грядый во имя Господне, да сподобимся во второе Твое пришествие ликовствовать пред Тобою со светильниками благоразумных, молитвами преблагословенныя Владычицы нашея, Твоея Матери, и святых небесных сил, и славных Твоих апостол и всех Твоих святых ныне и присно и во веки веков» (Ркп. Иерусалимской патриаршей библи. № 43 первой половины X века). 'Αναλεχτα Ιεροσολιτιτικης Σταχυολογίας, τ.β. Πετροπολις, 1894, σελ. 17—18.

¹³⁹ Палестинский патерик, вып. 1, гл. 39.

¹⁴⁰ Относительно чина самопричащения Е. П. Диаковский пишет: «Синайский Часослов № 863, судя по составу, предназначался для келейного употребления, а потому и находящийся в нем чин причащения должен собственно считаться чином самопричащения, бывшего в обычае у всех монахов, подвизавшихся в пустынях, где нет черея (св. Василий Великий). Такими пустынножителями по временам являлись и монахи лавры св. Саввы, по уставу которой сложился указанный Часослов. Ревностнейшие из них, подобно своим великим наставникам Евфимию Великому, Савве Освященному и другим, удалялись на известный срок (большею частью, от Крещения до Пасхи) из лавры в пустыню и там предавались уединенным подвигам; а чтобы не оставаться долго без причащения, они могли брать с собою из монастыря запасные Дары. В определеннй час, когда совершалась литургия в монастыре, монахи-отшельники прочитывали положенное в Син. № 863 последование «на причащение», или изобразительныя, и затем причащались Св. Таян» (Е. П. Диаковский. Последование часов и изобразительных. Киев, 1913, с. 284—285).

¹⁴¹ Четыи Миней, апрель, 1-е число.

¹⁴² Типикон, сиесть устав. Москва, Синодальная типография, 1896.

¹⁴³ Палестинский патерик, вып. 2, гл. 10.

¹⁴⁴ Там же, гл. 13.

¹⁴⁵ Палестинский патерик, вып. 1, гл. 22.

¹⁴⁶ Значение гимна «Днесь благодать Святаго Духа нас собра» в истории Студийского монастыря в эпоху иконоборчества.

¹⁴⁷ Заамвонная молитва литургии Преждеосвященных Даров и ее значение в истории палестинского монашества.

¹⁴⁸ Последование часов Великого пятка на Голгофе.

¹⁴⁹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Книга 1-я. СПб., б/д. Кол. 977—981.

¹⁵⁰ С. В. Платонов. Учебник русской истории для средней школы. СПб., 1911, с. 95—96.